

A detailed illustration of a medieval battle scene set in a forest. In the foreground, a knight in a blue and brown tunic and a large blue helmet is engaged in combat with a spear. To his left, another knight in a green tunic and chainmail helmet holds a sword. In the background, a knight on a dark horse, wearing a red and orange surcoat and a blue helmet, brandishes a sword high in the air. The forest is dense with tall trees and dappled sunlight.

Евгений
Андрей

КРАСНИЦКИЙ
ПОСНЯКОВ

СОНИК

Чужие здесь
не ходят

Отрок

Андрей Посняков

Сотник. Чужие здесь не ходят

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Сотник. Чужие здесь не ходят / А. А. Посняков — «Издательство АСТ», 2024 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-159844-0

1130 год, Турово-Пинское княжество. Через его друга, туровского «сыскного» человека, местного князя Ставрогина, Михайле-сотнику передают анонимное послание, из которого становится известно о том, что в Ратное на предстоящую ярмарку прибудет человек с недобрыми целями... В окрестностях Ратного происходит целая серия загадочных и жестоких убийств, в которых можно подозревать многих: лесных разбойников-татей, скоморохов-язычников, соседей из земель боярина Журавля... Михаил чувствует — главный враг где-то совсем рядом, он мстителен, коварен и неуловим. Вычислить и схватить незваного гостя — вот нынче цель сотника, ведь под удар поставлена не только его репутация, но и жизни близких людей

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-159844-0

© Посняков А. А., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгений Красницкий, Андрей Посняков

Сотник. Чужие здесь не ходят

Ленинград
издательский дом

© Евгений Красницкий, 2023

© Андрей Посняков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Турово-Пинское княжество. Август 1130 г.

Хороший лучник может наделать немало дел... Особенно если его напарник неплохо метает нож. И пусть под ногами чужая земля, но – все дозволено... Мало того – проплачено...

Чу, что там за голоса? Ах, какие голубки... воркуют...

Так пусть льется кровь!

Да придет ад!

* * *

Как же хорошо на покосе! Погоды какие стоят дивные – ведро, солнышко светит, и вода в речке теплая, ветер же наоборот – прохладный, так что коси в свое удовольствие, маши косой да скидывай в скирды, стога свежее сено, пахнущее медвяным запахом лета. Лета, совсем еще даже не уходящего, июнь ныне выдался холодный, а июль – дождливый, так что, можно считать, лета еще толком и не было, хорошо хоть успели озимые убрать, потому нынче с хлебушком, да и до нового урожая недалеко, колосится на полях жито, ждет серпа хлеботороба... Правда, нынче в Ратном мало кто серпом жнет, все больше – косилкою.

– Говорят, такие косилки у ромеев еще были, в давние-предавние времена, – усевшись на бережку, прищурился молодой отрок.

Звали его Дмитрием, из зажиточной семьи, волосы густые, соломенные, ноги босые, глаза серые, а взгляд – хитровато-влюбленный.

– Да ты садись, садись, Предслава, – тихо попросил Дмитрий, искоса глянув на девушку – юную красавицу с синими, как васильки, очами и пышной темно-русой косой. Еще совсем девичьей, без ленты...

Ленту Дмитрий как раз и припас – купил третьего дня у заезжих коробейников, атласную, синюю – как раз под цвет глаз. Вот и задумал сейчас подарить, отозвал деву в укромное место. Коли примет Предслава ленту, тогда... ухх! А коли не примет – увы...

Вечерело. Оранжево-золотистое солнце садилось за дальним лесом, тени клонившихся к самой воде ив протянулись почти до середины реки.

– Ты что так смотришь? – девушка уселась рядом, вытянув ноги к реке. Поправила на плечах накидку-запону, подпоясанную золотистым витым пояском, не простым – дорогим, шелковым, из тех, что привозят заморские гости-купцы из далекого Царьграда. Длинная белая рубаха почти что до щиколоток была по вороту, по рукавам, по подолу вышита красной нитью – оберег, отгонять злые силы, такой же оберег – и толстая девичья коса.

– Как это – так? – волнуясь, юноша достал из-за пазухи ленту...

Что-то хрустнуло совсем рядом, в кустах – то ли зверь лесной, то ли кто-то из младших – подсматривали. На покосе было кому... Ну, ежели так – берегитесь! Уши-то оборвать недолго! А то ишь, повадились...

– Да нет там никого, – улыбнулась дева. – А коли есть – так пусть смотрят, завидуют.

– Я вот сейчас – камнем...

Отложив ленту в траву, Дмитрий вскочил на ноги и, наклонившись над узкой песчаной полоской у самой реки, поднял подходящий камешек... Швырнул не глядя...

В кустах что-то звякнуло!

И тотчас же, немедленно, выскочили на берег двое – в коротких кольчугах, с мечами. Один – с луком – сразу же послал стрелу...

...угодив несчастному отроку прямо в сердце.

Ничего толком не поняв, парнишка повалился навзничь. Такая вот – незаметная – и случается иногда смерть...

Предслава же не успела и закричать, получив удар в челюсть...

Девушку убили не сразу, сперва придушили да позабавились... ну, а потом перерезали горло да разложили мертвые тела на берегу. Зачем? Почему не спрятали? Не бросили в реку, в кусты?

Видать, не нужно было прятать, не для того убивали... Ад!

– Ну, все, – подтянув штаны, один из злодеев – коренастый, с рыжеватой бородою и плоским носом, одернул кольчужку и глянул на своего напарника. Тот был помоложе: круглолицый, курносый с красными щеками и едва пробивавшейся щетиной.

– Все так все, – глянув на мертвую девушку, довольно ухмыльнулся круглолицый. – Ой, дядько Микул, ловко мы! И сладко... Так бы всегда бы... Жаль, не кричала... Я люблю, чтоб кричали...

– Сладко ему... – вытирая окровавленный нож о сорванную с девчонки запону, коренастый нехорошо ухмыльнулся и зыркнул глазами. – Ну, может, и еще сегодня свезет. Нарвемся на каких девок... И службу исполним – и себя потешим.

– От хорошо бы, дядько Микул!

– Хорошо и будет... Ты меня держись, паря!

– Дак а мы счас куда? – глянув на небо, озадачился краснощекий убийца. – Стемнеет скоро. Собаки, слышь, лают. В темноте-то я на стрелу не возьму. Эх, надо было б малого прихватить...

– Да уж лучше пусть на стороже...

Оба прислушались. С покоса, что на заливном лугу, в трех перестрелах, доносился собачий лай.

– Туда не пойдем, – подумав, заявил Микул. – Слишком уж людно.

– А куда пойдем?

– А вот тут, Корост, мысли!

– Мысли... – хмыкнул курносый. – Да не умею я мыслить, дядько Микул. Ты у нас старшой, ты и мысли.

– А вот это ты верно сказал! Ладно, помыслию... – плосконосый озадаченно пригладил бороду.

– Дядько Микул...

Корост глумливо глянул на полуголую девушку. Окровавленная рваная рубаха ее бесстыдно оголяла тело, мертвые глаза недвижно смотрели в небо, залитое золотисто-алым закатом. Темнело.

– А можно я того... ну, еще потешусь, – с гнусной ухмылкой Корост кивнул на убитую деву. – Ну, не остыла ж еще...

– В крови измазюкаешься... Да и не время уж... – Микул, похоже, что-то придумал – мастак был на лихие дела.

– Так, дядько...

– Вот скажи, паря... Ты б посейчас, на вечерней-то зорьке, что делал?

– С девками бы...

– Тьфу ты! Да не про девок я!

– Ну, рыбу б ловил... – поковырялся в носу молодой.

– О! – старшой поднял вверх указательный палец. – И эти б должны ловить. Мелкота всякая. А нам что сказано? Любых, да покровавей!

– А коли собаки? – все же насторожился Корост. – Да и много их тут... Еще и стража...

– Ну, стражу-то мы обошли... Однако да – на помощь позвать могут. – Микул неожиданно осклабился, словно узрел что-то смешное. – Я ж тебя не понапрасну про рыбалку спросил. Где-то ведь у омутков кто-то сидеть должен, ловить.

– Да понял, понял... Только как же ж мы их сыщем-то, дядько? Я здешних-то омутков не ведаю.

– А костерок? – хитро прищурился лиходей. – Рыбу будут ловить, и что – без ущицы?

– Ох и голова ты, дядько Микул!

– А с собаками, ежели что, сладим... А ну-тко...

Микул вдруг потянул носом воздух и довольно хмыкнул:

– А вот и дымок! Что я говорил? Давай-ко вдоль речки пройдемся...

* * *

Четверо совсем уж молодых отроков ловили рыбу в омутке у дальнего плеса. Лет по десять-двенадцать, таким в полную силу стога метать еще трудновато, да и косить – тоже умения мало, а вот кашеварить да рыбу ловить – это завсегда, это пожалуйста.

Вообще же, хорошо на покосе. Не только работа, но и праздник. Обычно из нескольких деревень на покос собирались, вот как сейчас – молодые незамужние девушки, парни... Женихались, суженых себе присматривали – самое милое дело! Потому и одевались на покос по-праздничному. До вечера – на покосе, потом – хороводы, костры... Молодежь – сил-то много! Ночевали здесь же, в шалашах. Бывало, что и да – дети потом у незамужних девок рождались. Однако в том позора не видели, наоборот, раз родила – значит, справная девка, можно смело замуж брать. А вот если не дает Бог (или боги, тут уж кому как) ребеночка – кому такая нужна? Вот и сиди век старой девой, в полном презрении, ходи в девичьем до самой смерти, никому не нужная вековуха. Такие уж времена. К тому же еще – и двоеверие, Христос Христом, но и старых богов не забывали. А как тут же Макошь – мать сыру землю – ублажить? Совокуплениями, чтоб плодородной была земля, чтоб много чего рождалось...

Помешивая варившуюся в котелке уху, о том и толковал сейчас Котков Микитка. С важностью толковал, как и положено старшему.

– А вот ежели б не озимые, так и голодали б сейчас! – хитро прищурившись, перебил Микитку Кольша Хвосток. – Хоть сколько бы по весне парни с девками на межах любились. А озимые поля кто придумал? Михайл а-сотник!

– То до Михайлы еще давние ромей ведали, – пригладив вихры, все с той же важностью заметил Микита.

– Но у нас-то сотник все предложил! Ну, в Ратном... – Кольша не отставал. – А как не хотели все? Помните? Как ругались: наши предки так не делали и нам не нать!

– А ты откуда помнишь-то? Вот как счас дам! – старшой замахнулся ложкой.

– В школе говорили! – резко парировал Хвосток. – Наставники врать не станут! А вы в школу зря не ходите. Так неучами и будете, и в Младшую стражу вас не возьмут!

– Ой, а тебя, можно подумать, возьмут!

Микитка все же изловчился, треснул Кольшу ложкой в лоб, хорошо так треснул, со звоном! Однако Хвосток терпеть не стал, немедля же бросился на обидчика с кулаками. Едва не сбив котелок, оба упали в траву, покатались... на радость проснувшейся собачонке – Ревке – рыжему, с подпалинами, молодому псу, почти что щенку еще. Ох, тому-то и впрямь – в радость! Запрыгал, залаял, закрутил хвостом! Остальные же бросились разнимать драчунов.

– А ну-ка, хватит вам! Окститесь!

– Вот я вас счас – водицей!

– Хватит, кому сказано? А про тебя, Хвосток, все наставнику Филимону расскажем!

– Ой! Ухо, ухо... Пусти-и-и...

– А не будешь больше на людей бросаться почему зря?

– Пусты-и-и... больно...

Угомонились драчуны. Верней – растащили. Легота, дядьки Федота Люшика сын – один из тех, кто разнимал, – отвязал от пояса ложку, уху попробовал... улыбнулся:

– А готова ушица-то! Хвосток! Ты зачем к визиге ерша бросил?

– Так это... для навара, – озадаченно заморгал драчун.

Легота рассмеялся:

– Вот ведь дурень! Уха-то – визижья, зачем там ерш? Однако есть давайте-ка...

– Ага, ага, – вспомнил про свое старшинство Микитка Котков, Кота Твердиславова, со славой погибшего в битве с ляхами, сынишка. – Садимся! Легота, Хвосток! Котел снимайте... Да осторожней вы!

– Уммм!

Вкусная ушица вышла, наваристая, да с кореньями – котелок на раз ушел. Да и так рыбалка сегодня сладилась – лежали уже в крапиве, на холодке, выпотрошенные язи, голавли, щуки и даже пара сомов... Сорную рыбу – всяких там окуней, уклеек и прочих – не брали, ловили рыбку нормальную, вкусную, и – чтоб не меньше локтя.

– Похвалят нас нынче, – дохлебывая ушицу, довольно протянул Микитка. – Тут уж и на уху, и запечь...

– Эх, еще б хлебушка...

– Надо б рыбку Ревке бросить, как остынет... Ревка, Ревка! – поднявшись на ноги, громко позвал Хвосток. – Хм... А где Ревка-то?

И правда...

Ребята озадаченно переглянулись.

– Да тут был все время... Прыгал, лаял... Наверное, лису или бурундука учуял – убежал.

– Прибежит, куда не денется!

– Так, парни! – вновь распорядился Микита. – Сейчас – спим, а на утренней зорьке – половим. И чтоб мне не проспali!

– Да уж не проспим... Ревка, Ревка! Хм...

Поспать – скорее уж, немного вздремнуть – повалились здесь же, в траве...

– А сказку страшную? – вспомнил вдруг самый младший, Флегонтий. – Коляпа, ты ж обещал!

– Обещал – расскажу, – Хвосток обстоятельно покивал.

– Тихо вы! Спать не мешайте, – недовольно пробурчал старшой.

– Ничего, я шепотом... Так вот. В дальней-дальней стороне как-то давным-давно жили-были...

Мальчишки не спали – слушали. Даже Микитка – хоть и делал вид, что уснул...

И никто из них не заметил, как шелхнулся невдалеке, у реки, густой ракитовый куст. А ветра-то между тем не было. Чьи-то недобрые взгляды скользнули по притихшим отрокам, едва заметным в свете догорающего костра... Потрескивая, шаяли угли...

– Начнем? – шепотом осведомился Корост, пинком сбросив в реку только что зарезанную собаку. Плеснула вода...

– Тихо ты! – доставая нож, дядько Микул злобно ощерился и шикнул на напарника.

– Рыба плещет! – прервав свой рассказ, негромко заметил Коляша. – Рядом где-то – на плесе...

– Похоже, крупная рыба, – Легота зевнул и потянулся. – Ты, Хвосток, рассказывай. Почто замолк?

– А вы слушаете?

- Слушаем, ага!
- Да тихо вы! Не мешайте спать!
- Ишь, спит он...
- Ага... Говори, говори, Колыша.

Потрескивали в костре угли, в черном небе мерцали холодные звезды. Притихшие ребята внимательно слушали рассказчика. Кто-то из них уже засыпал, кто-то – еще нет, но никто не догадывался, что злая старуха смерть уже распростерла над ними свои черные крылья.

– Пора! – глянув на звезды, тихо приказал Микул...

* * *

Коли б не юная красавица Звенислава, Твердило Лодочник (в крещении – Арсений) ни за что бы не согласился вернуться в родное село задолго до начала ярмарки или, как тогда называли, торжков. Спокойно бы трудился себе в Турове, на перевозе, отстегивал бы местному барыге Антипу, да жил бы себе не тужил. Как и было с тех пор, как Арсений, поссорившись с родичами, подался с весны «на отход» в Туров. Там пристал к артели, к лодочникам, с началом торгового сезона неплохие заработки пошли. Ну да, делиться пришлось – и со старостой лодочной артели Силантием, и с хитроvanом Антипом, тем еще выжигой, без которого никакие дела в Турове не делались – не решались. Антипа знали и побаивались все купцы, тот командовал соглядателями для княжьих мытника и вирника. Поймает на каком-нибудь грешке купчишку мелкого, торговца или еще кого, кто на торгу или у пристаней постоянно обрета-ется, но не наказывает, а велит все, что замечают, ему рассказывать: кто какой товар привез, почем продает, не укрыл ли чего от податей, не торгует ли запрещенным – много всякого. А потом мытник или вирник со стражниками налетят да либо виру возьмут разорительную, либо вообще весь товар в княжью казну заберут. А Антип с помощниками потом отнятый пролают – делят. Так-то вот! Ну нет в мире совершенства, о том Арсений прекрасно был осведомлен.

Так вот дела и шли, можно даже сказать – неплохо, удалось скопить-отложить с пяток гривен. Можно было и больше – так ведь артель! Без артели-то как? Даже в городке одиночкой не выживешь.

Пять гривен... и не каких-нибудь гривен кун, а настоящих серебряных! В той гривне – десять ногат, за шесть ногат на базаре козу купить можно, за пять же гривен кун (не серебряных!) хорошую рабыню купить можно! Может, и взаправду было – купить? Купить, да и забыть хотя бы на время о сероглазой красавице Звениславе! Которая, к слову сказать, в прошлое лето путалась с рыжим дружинником Велимудром из Нинеиной веси. Нынче рыжий в фаворе – Младшей стражи десятник! Сам Михайла-сотник ему покровительство оказывает, привечает... вот ведь незадача какая! Михайла – не просто Младшей стражи сотник, за ним сам воевода стоит – дед его, Корней Агеич Лисовин, а он, по сути, все родное село – Ратное – держит, как в Турове хитроvan Антип – пристань. Вот и попробуй тут...

С другой стороны, ленты Велимудр-Велька Звениславе как раз в то лето и подарил... или уже ближе к осени, кто как говорил. Подарить-то подарил, да вот со свадьбой как-то дело не срослось. Рыжий десятник весь в делах да в походах – о свадьбе подумать некогда. К тому же и большак, дед Коряга – старшой в семействе Звениславы – Велимудра не очень-то жалует. Ну и что с того, что десятник, – ведь гол как сокол! Ни богатства за ним, ни рода влиятельного, один Михайла-сотник. А что сотник? Сотник – человек воинский, сегодня есть и при власти, а завтра, может, и сгинет где, вражеский меч либо стрелу словит. Иное дело – Арсений Лодочник. Ну да, почти что изгой... Но уже и при серебришке... А давно ли начал? И что с того, что Звенислава лицо воротит? Зато дед Коряга зажиточных людей очень даже уважает. Только надобно ему зажиточность ту показать.

Вот Лодочник и показывал. Третьего дня встретил на рынке у пристани зависимого человека Корягиных – Ефимку-рядовича, парня молодого да ушлого. Тот хомуты покупал да прочую упряжь, чего в семействе Коряги не делали. Еще хотел лодку купить – вот тут-то Арсений и предложил помощь. Купили и хомуты, и лодку, и вот теперь – гнали. Хорошая лодка, больше, чем у самого Арсения челн, по три весла. А из досок борта нашьешь – вот тебе и насад! Местный мастеровой – Неждан Лыко – вполне нашить может, не так и дорого возьмет. Хоть сено вози, хоть что...

С Ефимкой холопы были – лодку гнать, вот Арсений с рядовичем в одну лодочку и уселись – в свою. Пусть небольшой челн, да ходкий, для перевоза в самый раз.

Арсений ленты шелковые Звениславе в подарок купил. И колечко да браслетик серебряные. Неужто откажет дева? Нет, все же сперва деда Корягу почтить. Для деда тоже кое-что имелось: пояс наборный да нож. Нож Горынко Коваль делал – хороший, с наваренными на стальной сердечник железными щечками – такой нож сам собой затачивался и недешево стоил. Ну, да для будущего тестя ничего не жаль. Горынко Коваль, кстати, совсем недавно переселился в Туров из разоренных земель сгинувшего боярина Журавля – соседей Ратного. Не сам собой кузню открыл – помог кто-то, и деньгами, и так, покровительством.

– Хороший нож, – потрогав пальцем остроту лезвия, похвалил Ефимко. – Деду понравится.

– Еще б! – Лодочник ухмыльнулся в усы. – Полтора десятка ногат стоит.

– Полторы свиньи! – глянув на темнеющее небо, изумился рядович. – Ну да, такой-то ножик... В Ратное вряд ли дойдем сегодня. У покоса встанем. Там как раз и зазноба твоя – Звенька.

– Так рыжий к ней...

– Не ходит, – уверил Ефим. – По зиме заглядывал как-то... Да дед его не привечает – я ж говорил.

– Знаю... – Арсений чуть помолчал, глядя на повисшие над черной рекою звезды. Прислушался к отдаленному собачьему лаю и, прибив усевшегося на лоб комара, вздохнул: – Дед-то не привечает. А сама-то она?

– Да кто ж когда баб-то спрашивал? – громко расхохотался рядович. – Тут уж как большак скажет. Так и будет все.

– И правильно, – Лодочник согласно покивал и потянулся. – Недалеко, говоришь, до покоса осталось?

– Да рядом уж...

– А мимо не проплывем?

– Не-а, там мосточки приметные...

– Не эти? Ой!

У мостков, за излучиной, что-то творилось! Зорька утренняя на горизонте играла, но все ж темновато, не рассмотришь особо, но – явно что-то не то! Волны плескали, да и крик...

– Поможите! Поможите! Э-эй!

Голос такой гнусавый, тонкий... Вроде как девичий.

– Поможите-е! Тону-у-у!

Ну на такой-то зов как не откликнуться?

Ефимко-рядович махнул рукой, крикнул:

– К мосткам сворачивай!

Туда же уже и Арсений челнок свой повернул, погреб... Позади плеснули весла – новая большая лодка застопорилась, и тоже свернула.

– Эй, что там? За весло хватайся!

Нет, не девка то была – парнишка, молодой отрок... Да неловкий – за весло ухватился было, да тут же и соскользнул...

– Что ж ты, паря, плавать не научился?

Покачав головой, Лодочник ухватил багор – помочь... Однако же и с багром вышла та же история, только еще похуже – утопающий схватился за него с такой силой, что едва не утянул с лодки Арсения. Тот едва успел бросить багор, выругался:

– Эх, ты ж... Мать-ити!

Новая большая лодка ткнулась носом в мостки, Ефимко обрадовался, замахал руками:

– Давайте-ка, робяты, подмогни!

Холопы деда Коряги – трое дюжих молодцов – разом склонились над водою... Просвисело что-то... Один упал, повалился в воду, подняв тучу брызг. Следом за ним – второй... третий...

Быстро все случилось, нахрапом. Лишь увидев, как схватился за грудь Ефим, Лодочник почувствовал неладное да попытался отогнать челн от мостков. И пора бы уж было – со впившейся в грудь стрелой рядович повалился в лодку...

Стрелы! Ага...

Лиходеи! Тати!

Схватившись за весло, Арсений быстро развернул челнок и почувствовал, как что-то мешает ходу, словно бы кто-то схватил суденышко за корму...

Так и схватил! Тот самый парень, утопленник, чтоб ему пусто было – зацепил багром! Из прибрежных зарослей на мостки выскочили двое мужиков с луками. Засвистели стрелы, одна из них впиалась Арсению в шею...

Не убежал Лодочник, увы... Никто не ушел – все погибли.

– От и славненько! – закинув за спину лук, один из нападавших – плосконосый дядько Микул – довольно потер руки. – Давайте-ко их на берег... Вон туда, в кусточки.

– Сделаем, дядько! – сноровисто обыскивая убитых, заверил отрок – скуластый, лупоглазый, тощий, в одних мокрых портках.

– Славно ты их, Нерод, – вытаскивая из воды труп, ослабил щекастый Корост. – Уж так барахтался – и вправду не утоп бы!

– Да, славно, – помогая напарникам, дядько Микул покивал и подозрительно посмотрел в небо. – Светает, иначе... Пора бы и в схорон.

– Дак а зачем нам в схорон, дядечка? – разложив на мостках добычу, задумчиво спросил отрок. – Эко их всех – и не токмо этих – скоро найдут... И нас искать будут! А мы... Вдруг да ненадежный схорон-то? Неужто о капище старом никто из местных людишек не ведает? А что, ежели...

– Приказано в капище схорониться и ждать, – дядько Микул жестко оборвал Нерода.

– А чего ждать-то, дядько? – не унимался подросток.

Худой, скуластый, с недобрый взглядом и спутанным мокрыми волосищами, он казался выходцем из какого-то потустороннего подводного мира. Себе на уме парень, чего ж... С таким ухо востро! Хорошо сделали, что его с собою на покос да к рыбакам юным не взяли – велели недалече на стороже бдить! А то б и там стал прекословить! Эх, поучить бы его ремнем – пояском наборным...

– Славный ножик! – управившись с трупами, Корост деловито осматривал добычу: две горсти серебряных монет величиной с ноготь – куны, синие из «шелка-паволоки» ленты для девичьей красоты, серебряное колечко, браслетик, и вот – нож.

Попробовав остроту лезвия пальцем, парняга ойкнул – порезался, да, сунув палец в воду, ухмыльнулся:

– О-острый! Тут и буквицы... Дядько Микул, ты грамоту ведаешь?

– Я ведаю! – натянув рубаху, Нерод спокойно протянул руку. – Ну, дай, прочту!

– Ну-у...

– «Горышко-коваль» – вот что написано, – прочитав, пояснил отрок. – Видишь, буквицы – «ГРНК КВЛ».

Старшой сухо покивал:

– Есть такой кузнец в Турове. Ну, что? Собирайтесь, да в схрон... Да! Этих-то подальше оттащите...

– Посейчас! Давай-ко, друже Корост, за ноги разом возьмем... Дядечка, я себе браслетик оставлю?

– Оставляй...

– И ленты...

– Гы! Ладно, пойду, погляжу лодки... думаю, утопить от греха...

Пока дядько Микул осматривал лодки, юные лиходеи быстро оттащили трупы.

– Эвон, сюда... – распорядился Нерод. Вообще он держался как старший. Да уж точно, дурнем в этой компании не был... В отличие от того же Короста.

– Сюда, сюда... во-от... Друже Корост... – оглянувшись на мостки, отрок понизил голос до шепота: – Я так мыслю: дядька-то от нас избавиться хочет. Не нужны мы ему боле...

– Да ты... Да что ты!

– Тсс! – подросток приложил палец к губам. – Что говорю – ведаю! Сам смекай – вот он мне и браслет разрешил оставить, и ленты... А ты, вон, нож заграбастал, между прочим, дорогущий... И Микул – ни слова. А ведь жаден наш дядечка, сам знаешь!

– Ну-у... – в круглой голове молодого злодея явно происходили какие-то мыслительные процессы.

Видя такое дело, юный напарник его стал ковать железо, пока горячо: зашептал на ухо, с жаром брызгая слюною:

– Третьего дня еще, Микул сказал – тебя прирезать. Мол, вдвоем легче уйти... Нож мне дал... Не хуже твоего, покажу после... А вот сейчас он тебе прикажет меня порешить... Ну, чтоб мы друг на друга пошли – а сам победителя зарежет. Тако! Что, не веришь пока? А вот увидишь... На браслет мой поспорим?

– Ну-у... я не знаю, – растерянно пробормотал щекастый.

Нерод спрятал презрительную ухмылку.

– Лучник ты славный, друже Корост. А соображаешь медленно! Так мыслю – надо нам дядечку того... Иначе – он нас, и можешь даже не спорить! Уж я таких людей повидал... да и ты тоже. Ну! Решайся же!

– Ну, порешим... а серебришко обещанное? Мы ж хозяина-то не знаем.

– Да не дождемся мы серебришка, – с досадой промолвил отрок. – Ты что, меня первый год знаешь? Я тебя хоть когда-нибудь обманул?

– Обманул! – парняга неожиданно нахмурился. – Прошлолетось, когда в Турове, в корчме, в кости играли... Забыл?

– У старого Галактиона Грека? Так это ж разве обманство? Так, пошутил, посмеялся...

– Ты-то пошутил, а я...

– Эй, вы там! Пошевеливайтесь! – с мостков донеслась команда.

– Как Микул меня прибить прикажет – так и решайся, просто кивни. И мы с тобой сразу в лодку, и в Туров. Лодка новая, большая. Продадим славно! И никто нам не нужен... Сами себе хозяева!

Ничего не ответив, Корост хмуро вышел из кустов. Нерод же задержался, выжимая порты...

– Хороша лодка! И мачта, и парус есть... Эх, жаль... Слышь, Коросте, – выбравшись из лодки на мостки, дядько Микул резко понизил голос, а потом и зашептал, оглядываясь на оставшегося в кусточках напарничка: – Парень-то этот худой... не нужен он нам боле...

Все так, как и предупреждал Нерод!

– Вдвоем нам ловчее уйти, незаметнее. Да и награду делить...
Вот оно, вот!

Вышел на мостки отрок, улыбнулся... Хорошая у него улыбка была, веселая, добрая... и глаза лучистые сделались, и на щеках – ямочки...

– Ну, сейчас и на капище... – распорядился старшой. – А то уж совсем светает!
Встретившись взглядом с напарником, парняга незаметно кивнул...

Нерод опустил веки.

– Друже Коросте! Ты ж ножик обещал показать... Ну, тот...

– Эвон – смотри...

В свете разгоравшейся зари блеснуло острое лезвие. Блеснуло – и вошло склонившемуся к лодкам старшому прямо под третье ребро!

Нерод бить умел... Правда, вот только пока что могло не хватить силенок.

– Добей! – выдернув окровавленный нож, быстро приказал отрок.

* * *

Сын поварихи тетушки Плавы, урядник – уже урядник! – Глузд нынче самолично нес службу на дальнем посту – на излучине, при впадении Горыни-реки в могучую Припять. Так сказать, обучал молодых, стражников-первогодков – Савушку и Кирияна. Ну а кому еще такое дело доверить? Наставник Макар Глузда ценил, несмотря на то, что характер у парнишки был тот еще – суетлив безмерно, словно в детстве ежа проглотил. Всегда находил приключений на свою... гм-гм... пятую точку! Можно сказать – на ровном месте. То в речку залезет, то под дождь попадёт, то холодного молока напьется, да так, что потом неделю сипит, говорить не может. Вот и сейчас без нужды суетился – то снимет шлем, то наденет, то погладит арбалет, потом вдруг спохватиться – пощупает мешочек с болтами-стрелами – на месте ли? И это несмотря на то, что – урядник! Просто характер такой...

Невдалеке от реки, на холме, на круче, на самом краю густого смешанного леса воины Младшей стражи устроили схрон: выкопали землянку, замаскировали, не хуже, чем соседушки-невидимки «лешаки», что в землях боярина Журавля. После смерти юного Юрия и дядьки Медведя отношения с «журавлями» складывались странно: вроде б и не враждовали, но и особенной дружбы не вели.

В схроне хранилось все самое необходимое: запас стрел – арбалетных «болтов» или для лука, запасные тетивы, густо смазанные салом, пара запасных самострелов со стальными луками и прицелом, короткие метательные копыя-сулицы и все такое прочее, необходимое в бою, что командир стражников, Михайла-сотник, называл непонятным словом «расходники».

Кроме того, в схроне можно было укрыться от непогоды... и от явно преобладающих по силе врагов. Ну и обычно там же отсыпались воины «отдыхающей» смены. Как раз сейчас была очередь Савушки. Правда, парень пока вовсе не собирался спать, не хотелось – ведь вот только сейчас, на рассвете, сменили прошлую стражу.

– Урядник Глузд! – тут же попросил Савушка. – Можно я с вами побуду?

– Ну, побудь, – урядник про себя хмыкнул и, велев Кирияну во все глаза просматривать реку, с хитроватым прищуром склонил голову набок. – Стражник Савва!

– Я!

– Что нужно делать, дабы избежать одновременной стрельбы в одну и ту же цель? – подражая беспощадному тону господина сотника, с важностью спросил Глузд.

Савушка вытянулся в струнку:

– Стрелять по очереди, перекатом с одного края на другой или с обоих краев к середине...

– Что замолк? Далее! Что делают в бою урядники?

– Пока десяток перезаряжает самострелы, урядник и младшие урядники берегут свои выстрелы на случай, если враг приблизится и может нанести ущерб десятку! – бодро отозвался отрок.

– Ну... так... – кивнув, Глузд прикрыл глаза и ехидно ухмыльнулся. – А как надлежит стрелять, если для этого надо высовываться из-за укрытия?

– Стрелять пятерками, а младшие урядники должны командовать поименно, чтобы стрелки появлялись неожиданно!

– Какие команды отдаются при стрельбе «перекатом»?

– Десяток, товсь! По такой-то цели, направление такое-то, расстояние такое-то, целься! Справа или слева по одному! Бей!

– Та-ак... Молоде-ец...

Юный урядник покивал и с подозрением глянул на испытуемого: как выражался господин сотник, «отличником боевой и политической» стражник Савушка никогда не был... и это еще мягко сказать. Тогда откуда такие познания?

– Савик! – снова прищурясь, Глузд сменил официальный тон на дворовый, дружеский. – А ну, признавайся – откуда все знаешь?

– Так ведь учил...

– Только не ври!

– Ну, это... – чуть замявшись, Савушка махнул рукой. – Третьего дня в карауле стоял, у крыльца... А господин сотник вышел посты проверить.

– Ага-а! Так ты спал, что ли?

– Что ты, Глузде! Просто задумался. Ну, песню вспоминал... ну, ту, строевую... Тверже шаг! Смелей вперед! Воевода нас ведет.

– Не песня это, а кричалка... – зажмурившись, урядник тоже припомнил слова, продолжил: – Все мы славим Господа Христа, Господа Христа, Господа Христа! Мы всегда славим Господа Христа, Господа Христа, Господа Христа! Аллилуйя!!!

– Аллилуйя! – вполголоса подхватил Савушка.

– Ну, так что? – резко оборвав кричалку, Глузд посмотрел напарнику прямо в глаза.

– Ну-у, вспоминал... – покраснев до самых ушей, глухо промямлил тот. – И господина сотника не сразу заметил. Вот и получил – два наряда и еще стрелковые наставленья учить. Уж пришлось выучить – потом в горнице господину сотнику докладывал! Ох, и красива горница-то! – Савушка неожиданно прищелкнул языком. – На полу войлок – мягко, стол большой, полки с книжками, чашки-ложки расписные... как это... слово такое непонятное...

– Хохлома, – подсказал урядник. – Михайла наш много таких слов знает.

Михайла, а не «господин сотник». Савушка знал, что урядник Глузд был одним из немногих, кто мог иногда звать своего командира вот так, запросто, по имени. Имел право, в опасном походе в месте с Михайлой-сотником был, откуда больше половины младшей рати не вернулось.

– Тимофей Кузнечик тоже много чего непонятного знает, – Савушка вдруг прикрыл глаза, припомнил. – Про занятия в школе девичьей говорил... как-то так – физ-куль-ту-ра, вот!

– А умеет он еще больше! – покровительственно усмехнулся Глузд. – Ножи, что сами собой затачиваются, уже и немногие кузнецы могут... А еще – для арбалета прицелы! И это... летающий змей – мишень и знак кому подать...

– И библиофека еще, и мануфактура...

– Ну, это все Михайла-сотник придумал. Как и озимые... А вообще – они с Кузнечиком похожи чем-то... – Урядник задумчиво посмотрел в небо. – Оба иногда говорят по-непонятному, оба что-то такое придумывают, чего допрежь не было... обсуждают промеж собой какие-то дела...

– Да уж... Кузнечик вообще – непонятный... – согласно кивнул Савушка. – Но парень славный, да!

Тимка Кузнечик появился в Ратном недавно, и пары лет не прошло, как совсем еще юный мальчишка сбежал из земель боярина Журавля, где после исчезновения боярина стало твориться что-то не очень понятное. Кто-то что-то крутил, мутил воду, непонятно – зачем...

Тимку приняли хорошо, как родного, да он и стал родным, обретя вторую семью и крестных – воина (ныне наставника) Макара и наставницу Арину. Ну и сестрицу – Любаву, ту еще насмешницу...

– Господин урядник! Лодка! – метнувшись от реки, доложил Кирьян.

Небольшого росточка – ниже Савушки, но бойкий, храбрый, Кирьян и службу нес хорошо, и в играх был первым.

– Большая?

– Большая – на три пары весел. Но не ладья... Там один, похоже...

– Так! – быстро сообразил Глузд. – Савушка – остаешься здесь, прикрывать, если что. Кирьян – на проверку, я – в засаде. Задача ясна?

– Ага! Ой... Так точно!

Оставив Савушку на холме, у схрона, ребята быстро сбежали к реке. Звякнув кольчугу, Глузд сноровисто натянул тетиву арбалета и, наложив на ложе стрелу-болт, укрылся в прибрежных кусточках.

Кирьян же вышел на отмель...

Занимался рассвет, но солнце еще не вышло, еще пряталось за холмами, лишь первые лучи его золотили вершины деревьев и прозрачные перистые облака, пробегавшие у самого горизонта.

В большой – на три пары весел – лодке (в новгородской стороне такие называли «ошкунями») находился всего один человек – совсем еще юный отрок. Видно было, что лодка-то для него одного тяжеловата, парень едва справлялся и весь употел... или просто вымок...

– Кто таков? – грозно поведя заряженным арбалетом, спросил Кирьян.

Несмотря на молодой возраст, выглядел он, надо сказать, весьма солидно: кольчуга, меч в ножнах у пояса, там же, за поясом, – клевец, на голове – кольчужная сетка-бармица, шлемы в карауле хранились в схроне.

Снизу, из-под кольчуги, торчал подол длинной рубахи – синей, с золотистой вышивкой, узкие порты, крашенные корой дуба, заправлены в мягкие юфтевые сапожки. Богато! Ну так Михайла-сотник всегда стремился к тому, чтоб его воины босяками не выглядели. Встречали-то по одежке!

Вот и сейчас... Ну как не подчиниться столь важному воину?!

Кивнув в ответ, сидевший на веслах парнишка направил лодку к отмели. Греб он натужно – это было видно, старался, устал...

А больше в лодке никого не было, толк какой-то товар, прикрытый холстиной... Верно, в Туров, на торг, вез...

– Кто таков? Куда?

– Оселя я, из рода Никодима Рыбника, – повернув лодку бортом, обернулся отрок. – С земель боярина Журавля. В Туров, на рынок...

Хороший, видно, парнишка – улыбчивый такой, скуластый, светлые, чуть навывкате, глаза...

– Да мы тут частенько...

– Сосед, значит... Что ж ты один-то? Не тяжело? Здесь-то ладно, а на большой воде как?

– Так все на покосе ж! А там, дальше, рыбаки наши встретят...

– Ну, коли так... Удачи!

– И тебе, славный воин. Да хранит тебя Господь...

Соседей приказано было пропускать без особых вопросов. Да и что такого подозрительного было в этом одиноком мальчишке? Понятно, почему один – время такое, покосы...

– Подтолкнуть?

– Ну, если не трудно... Вот благодарствую! Спаси ты Бог!

Лодка тяжело отвалила от отмели...

Опустив арбалет, Глузд вышел из кустов.

– Из земель Журавля, в Туров, – доложил Кирьян.

– Да слышал я...

Сняв с ложа стрелу, урядник спустил тетиву самострела. То же самое проделал и Кирьян.

– Скоро и солнышко... – глянув в небо, негромко промолвил Глузд. – Хороший будет денек.

* * *

Свернув за излучину, юный лиходей Нерод ткнул веслом в холстину:

– Ану, кончай ночевать! Говорю, поднимайся, друже Корост! Я один грести буду?

– Да уж погребу! – откинув холстину, с наслаждением потянулся Корост. – Это и есть хваленая Младшая стража?

Нерод нехорошо усмехнулся:

– Коли б ты на веслах сидел – так бы легко не отделались! Молодой здоровый мужик, да в страду... Очень даже подозрительно! Сидели бы сейчас на берегу, на спрос отвечали...

* * *

Как всегда, Миша проснулся рано. Потянулся, зевнул да, резко вскочив на ноги, принялся делать зарядку. Привычка – вторая натура, чего уж...

В распахнутое окно билось яркое рассветное солнце. С улицы, с просторного двора Михайловской крепости, уже доносилось привычное:

– Раз-два... раз-два... левое плечо – вперед... Бего-ом... арш!

Свободные от службы воины Младшей стражи отправлялись на утреннюю пробежку. Потом, после завтрака, их ждала воинская учеба: силовые тренировки, бой на мечях и копьях, стрельба из арбалета в цель, боевое слаживание...

Все как всегда...

Покончив с упражнениями, Михаила вышел на двор – облился ключевой водой из колодца да, расправив плечи, крикнул – до чего ж хорошо!

Сия выстроенная недавно крепость – Михайловский городок – названа была в честь тезоименитства духовного пастыря иеромонаха Михаила, старинного Мишиного духовника, наставника и друга, в успении вошедшего в сонм праведников, где все было сделано так, как сотник того хотел, чтоб было красиво, удобно и вместе с тем величественно.

Задумал все Михаила, а выстроил – старшина плотницкой артели Кондратий Епифанович по прозвищу Сучок, мастер от Бога. Вместе с помощником, родным своим племянником Питиримом (в просторечии Пимкой, или просто – Швырком) да артельщиками-плотниками. Выстроили здания для управления – в Михайловом городке, а по сути – на выселках, в воинском лагере Младшей стражи. «Хоромы» вышли ничуть не хуже боярских, а может, даже и княжеских. Строили хорошо, с размахом, чтобы можно было совет созвать, пир устроить, да еще и о делопроизводстве, о бюрократии, думали – было где писарей посадить, и казну держать, и с возвышенного места приказы объявлять. С высокого, почти что княжеского, крыльца. Так и задумано было – на крыльце сразу видно бывает, кто из бояр к князю ближе, а кто дальше.

Когда князь по каким-то торжественным случаям на крыльце восседает, то бояре на ступенях стоят – ближние повыше, остальные пониже.

В просторных сенях же устроили большие окна, не только для света, но и для воздуха, иначе на пиру так надышат, что в волоковые окошки этакий дух не пролезет! На ночь и в непогоду окна закрывали ставнями. В сенях и располагалась «прихожая», а уже следом – горница сотника, так сказать – рабочее место для всяких «бюрократных дел», с которыми Михайла управлялся не один, а с целым «взводом» писцов во главе со старшим – Ильей, дальним своим родственником. Еще не успели закончить строительство нового «гнезда бюрократии», как семейство Ильи, возглавляемое его женой, с нескрываемым энтузиазмом переправило из дома в новое помещение завалы учетной документации – и пергаментные и берестяные – заляпаные чернилами письменные столы, ящики с берестой, гусиными перьями и вошанками, обьемистые горшки с чернилами и еще кучу непонятно для чего нужного и неизвестно как накопившегося барахла. Всему нашлось применение, да что там говорить – еще и мало барахла оказалось, о чем постоянно нашептывал Илья, приступив к исполнению должности главы канцелярии – старшего дьяка!

Вот и сейчас Илья должен был явиться с докладом. Да уж и явился, поди, маялся, ждал в сенях...

Так и случилось! Высокий, длинноволосый и худощавый, дьяк чем-то походил на монаха... только вот монашеской кротости во взгляде его не просматривалось напрочь, а просматривалась какая-то постоянная озабоченность, вьедливость даже.

– Здрав будь, господин сотник.

– И тебе не хворать, Илья!

Судя по угрюмому виду начальника канцелярии, Мишу ожидали не очень-то приятные новости... к чему он, в общем-то, привык, если можно было привыкнуть ко всякой грязи и крови. Не очень-то жаловали Ратное ближайшие соседи... и не только ближайшие! Исходили самой гнуснейшей завистью к богатству разросшегося села, к его силе, а особенно – к разным новомодным придумкам, за счет чего то богатство да сила и появились! Те же озимые, к примеру... Или – сукновальная мануфактура, бумажная мельница, пристань с просторной гостиницей и корчмою, с торговыми рядками-лавками, мастерскими... Да много чего появилось в Ратном, что вызывало не только зависть, но и самую лютую злобу. В традиционном родовом обществе именно такие чувства и вызывает все непонятное, новое... Михайла с косностью этой боролся. В Ратном – получалось... и то далеко не всегда, что уж там говорить о соседях.

Еще не так и давно половина домов в Ратном не имела печных труб и топилась по-черному. Многие даже имели земляные полы, и, входя в них, приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться на три-четыре ступеньки вниз, так как эти дома – а скорее, полуземлянки, – по старинному обычаю, были почти на треть заглублены в землю.

Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались досечкой.

За последнее время, правда, в Ратном много чего появилось, в том числе и роскошные, по здешним меркам, дома!

Ратное носило такое название не зря. Около ста лет назад, повелением князя Ярослава, прозванного за морем варягами Ярислейбом Скупым, а позднейшими историками – Мудрым, сюда, на границу бывших древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями. С тех пор по первому призыву князя киевского, а позже Туровского, все способные носить оружие жители Ратного нацепляли на себя кольчуги с шеломами и садились в седла. Село было богато и многолюдно, так как по жалованной княжеской грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой. Да и землю эту никто не мерил, как, впрочем, и лесные, рыбные, бортные и прочие угодья, которыми пользовались жители Ратного. Пользовались по праву сильного, поскольку

отвоевали эти уголья с оружием в руках у местных, поощряемых на сопротивление языческими волхвами.

Ныне же, кроме всего прочего, в Ратном была выстроена самая шикарная пристань, коей, верно, не побрезговали бы и в Турове! От села к главному – грузовому – причалу шла вымощенная булыжниками дорога, вдоль которой располагались торговые рядки и склады, у самой же пристани, на самом берегу, местные богатеи выстроили в складчину постоянный двор, естественно – с корчмой, где варили пиво, медовуху и бражку не только по праздникам, но и во все иные дни, периодически, – чтобы было. Тем более что разлитое по запечатанным глиняным кувшинчикам хмельное в сезон расходилось быстро, как и горячие пирожки. Так же влет уходили «пивные» плетеные баклажки – из лыка и липы. Собственно говоря, сезонов было два – зимний и летний. Зимой реки использовались в качестве санных путей, в межсезонье же, когда только становился лед или, наоборот, в ледоход – никаких проезжих путей не имелось практически повсеместно. В свое время римляне до этих мест не дошли и дорог не построили. Еще года полтора назад Михайла задумал было своими силами вымостить-починить старый зимник в сторону Нинеиной веси и дальше, на выселки, да ратнинский воевода дед Корней на пару со старостой Аристархом вовремя отговорили юного сотника от этой дорогостоящей и пропащей затеи. И были по-своему правы: при почти полном господстве натурального хозяйства дороги как-то не очень-то и нужны. В летний сезон прибыль от продажи алкоголя, пирогов, свечек и прочего исходила лишь от торговых караванов, ладей, идущих по пути «из варяг в греки» и обратно. Караваны, конечно, в сезон появлялись периодически... но не слишком-то и часто. Соседям же здесь, в Погорынье, ни пиво-бражка, ни пирожки были как-то не очень нужны – сами пекли-варили. Правда, в голодное время меняли пирожки на свежую рыбу, сами же ратницы нынче были с хлебом – благодаря переходу на трехполье, по совету Миши.

– Вижу, есть о чем доложить, – глянув на Илью, нехорошо прищурился сотник. – Ну, давай, давай, проходи в горницу...

Скрипнула дверь.

В горнице все блестело: выскобленный до белизны пол, покрытый четырехугольным светло-серым войлоком с красными узорами. Бревна сруба скрывали гладко струганные доски светлого дерева, дощатый потолок был тщательно выбелен – наверное, зря, потому как местами прокоптился уже от свечей, однако все равно в парадных сенях было непривычно светло. Посередине, прямо на войлоке, стоял длинный стол, накрытый белой льняной скатертью, а вокруг стола – двенадцать резных полукресел из ясеня и граба. На полках вдоль стен стояла раскрашенная под хохлому посуда.

На столе, между двумя пятисвечниками, имелся поднос, тоже раскрашенный под хохлому, на котором стоял кувшин с квасом и лежал небольшой ковшик. Все эти яркие цвета и свет придавали горнице чрезвычайно праздничный вид, а отсутствие стоящих вдоль стен лавок и сундуков – очень даже непривычно! – добавляло простора... чем Миша и пользовался: любил, когда думал, ходить.

– Садись, Илья, – усевшись в резное кресло, пригласил Михаил. – Ну? Чем порадуешь?

– Девки в школу не ходят, – дьяк, как всегда, начал издали – не с самой главной плохой новости, появилась у него такая привычка. Правда, воды зря не лил, докладывал как всегда – конкретно и ясно.

В школе для девочек преподавали наставницы их самых почитаемых в Ратном семей – одна Мишина матушка, боярыня Анна Павловна, чего стоила! Боярыня! Это вам не хухры-мухры, понимать надо. Наставницы обучали девчонок чтению и письму, разным наукам и домоводству... Летом, правда, не учились...

– Некоторые заявили, что дочки их в школу по осени не пойдут! – пояснил Илья.

Сотник вскинул голову:

– Некоторые?

– Вот список, – дьяк скромно протянул берестяной свиток. Берестяные грамотки всегда в такие свитки скатывались – сами собой. Вообще-то, в канцелярии имелись и бумага, и пергамент, но то – для более важных дел.

– Чем мотивируют? – глянув, тут же уточнил Миша.

Илья уже привык к разного рода нездешним словам и все понимал правильно:

– Щи варить да хозяйство вести девок и в семьях научат. Грамотности тоже девам не надобно, ну, а руками-ногами махать да бегать – пусть лучше косой на покосе машут! Девки ведь молодые – не воины, к тому же – работницы в семьях!

Положа руку на сердце, Михайла еще и раньше на эту тему задумывался, предполагая, что затея девичьих школ – несвоевременная и нежизнеспособная.

Понятно – парни, отроки воинскому делу учились, и то далеко не все! Что же касемо девчонок, то... Для учебы-то что нужно? Кроме делания – еще и свободное время, и свободные, не занятые работой руки... А у кого время и руки в те диковатые времена? У бояр только! То есть младшие Мишины сестры-боярышни вполне могли до замужества и походить в школу, остальные же – увы! Это только так кажется, что от десяти-двенадцатилетней девчонки в семье никакой подмоги! Вовсе не так. Девичьей работы по дому полным-полно – с утра воды натаскать, корм животине задать, да за младшими приглядеть, да не забыть прополоть грядки... Осенью и зимой – та же вода – кадками! – да дрова для печи поколоть (в те времена – тоже вполне девичье занятие), да на реку, на прорубь – полоскать белье. А потом еще кудель прясть, ткать... Дел хватало!

– Все же грамотность любому не лишняя, – сотник покачал головой. – Ладно, вопрос потом порешаем. Что еще? Вижу, самое смурное на потом припас?

Дьяк поник головой:

– На покосе тати неведомые объявились, господине. Ребят малых походя побили... Да двоих полюбовничков. Посейчас только старшой оттель за хлебом приплыл – доложил, аж трясется!

– Так что ты стоишь?! – вспылil Миша. – Давай старшого сюда, живо!

Покосный старшой – тщедушный колченогий мужичонка лет тридцати именем Зевота Хромец – войдя, кинулся в ноги:

– Ой беда! Беда, господине!

Михайло нахмурился – подобного исступления он никогда не любил, да и вообще слишком нервных людей не жаловал.

– Войлок-то лбом не пробей, дядя! Вставай давай – и все обстоятельно. На селе был уже?

– Не, господине... Сюды-то с реки ближе...

Зевота поднялся на ноги, сивая редкая бороденка его тряслась, дрожали несоразмерно большие руки.

– Так! – Сотник мигнул Илье. – Давай-ка квасу сюда... Садись! пей...

– Благодарствую, господине...

– Вот теперь – рассказывай. По порядку, сначала... Кого сперва нашли?

– Отроков... – поставив глиняную кружку на стол, покосный старшой шмыгнул носом. – Значит, тако было...

Успокоился он быстро, что и понятно – испуг-то оказался наигранным, специально для боярича – Миша все ж был боярич! – чтоб видел, что переживает, что кается... Дурачок. Не служил в Младшей страже, Михайлу разве что мельком видал. Да по праздникам... А то бы знал – показухи молодой сотник на дух не переносит! Сейчас вот увидел – и сразу же перестроился, совсем по-другому заговорил, как Миша и требовал – обстоятельно:

– Пракся у нас на покос есть, девчонка, ну, Евпрак-сия. Братец ее младой, Колыпа Хвосток, да еще трое рыбку ловить ночесь подались, недалече, на плесо. Там омуток... Собака с ними... И такая собака – то там, на плесе, то к шалашам прибежит... а тут вот, поутру, – не прибежала. А к утру робяты обещались с рыбой быть... Ан нету. И собаки нет! Вот Пракся-то и заволновалась... Сбегала быстро на плесо... вернулась – вся не своя...

– Понятно... Сам-то глянул?

– А как же! – Зевота вздохнул и дернул шеей. – Всех четверых. На стрелы... Словно так... баловались.

– Убитых не трогали?

– Да принесли уж...

– Черт бы вас! – сотник выругался и махнул рукой. – Ладно, дальше уж наша забота...

А что за любовнички?

– Отрок Дмитр да Предслава-дева. Не из бедняков... Дмитра сразу – стрелой, не мучился. А вот дева... – чуть запнувшись, покусал губы Хромец. – С девой сперва позабавились... Порешили уж потом... Тела я не трогал. По пути, с челна, углядел – выскочил... Там и собаку мертвую к берегу прибило. Ну, ту...

– Я понял... А любовники-то они давно?

– Я вот только сейчас и узнал. Там лента атласная в траве валялась. Голубенькая... Видать, Дмитр-то зазнобе своей хотел подарить... да не успел вот...

– Да-а...

Выслушав, сотник решительно поднялся на ноги.

– Поедем, глянем. Покажешь! Как на покосе?

– Да косят... Завтра-то уж на похороны все... Горюют. Господине... – Встав, Зевота искоса глянул на Мишу. – Мне б за хлебами... на Кузьминых двор... Есть-то людям надо.

– Давай. Только быстро!

– Одна нога здесь, другая там, господине.

Поклонившись, Зевота вышел из горницы...

Сотник покачал головой:

– Ну да-а... С его-то ногой – да быстро? Так... Давай Демьяна сюда! Пусть вместо меня сегодня развод проводит!

Молча кивнув, секретарь распахнул дверь.

Полусотник Демьян – здоровенный молодой мужик с круглым лицом и кучерявой бородою – уже стоял на пороге!

И это очень не понравилось Мише...

– Илья, задержись... Проходи, Демьян. Случилось что?

– Здравия желаю, господин сотник! – перешагнув порог, воин вытянулся, молодецки выпятив грудь. – Случилось. Утренняя сторожа на плесе у Медвежьего урочища трех покойничков обнаружила. Видно, течением вынесло. Говорят – свежие!

– Так могло и от Журавлей принести...

– Могло. Но этих-то парни узнали – свои. Корягиных холопы обельные и с ними рядович Ефим! И не по пьяни утопи – стрелами всех!

– Та-ак... – Михайла озадаченно уселся в кресло. – Стражу выставили?

– Так точно, господин сотник!

– Что ж... заодно и этих поглядим. А потом уж сообщим и деду Коряге... Холопы... доверенный человек... однако...

– Господине! – вдруг подал голос Илья. – Дед Корягин своих в Туров третьего дня отправлял. Хомуты купить, лодку, да и так, по мелочи... Еще хвастал, мол, в городе-то всяко дешевле, чем тут, на рядках или у выжиги Неждана. Хотя Неждан со своих недорого берет...

– Ага, ага... – Миша соображал быстро. – Значит, думаешь, их от самого Турова пасли? Потом выбрали удобный момент, местечко поглуше... Демьян! Там лодки поблизости не видали?

– Видали бы – доложили б, господин сотник.

– Добро. Сами поглядим... У Медвежьего урочища, говоришь? Так... Пока свободны все... Демьян! Живо малую ладейку готовить.

Выпроводив всех, Миша закусил губу и подошел к висевшему в простенке зеркалу из полированного серебра. Вздыхнув, покачал головой, прищурился, глянув в глаза своему отражению:

– Ну, что скажешь, сэр Майкл? Опять началось? Мало нам в прошлом году трупов... Эх, черт... И кто ж опять безобразит? Если просто шайка – одно дело, а если... если опять подосланцы? Ой нехорошо, особенно – перед ярмаркой...

Не простой был парень Миша... Миша... Михаил Андреевич Ратников, управленец из высших слоев, бывший депутат Госдумы (и много кто еще) Михаил Андреевич Ратников из города Санкт-Петербурга, перемещенный силой науки в тело юного отрока. Раньше это как-то напрягало (не только других, но и самого Михаила) – уж слишком мудро, по-взрослому, рассуждал и действовал двенадцатилетний пацан.

Однако шло время, Михайла заматерел и много чего достиг, и уже не был тем белоглазым тонкошеим отроком, что еще года три назад. Доставшиеся от матери зеленые глаза смотрели жестко, цепко, создавая образ весьма недоверчивого и хмурого парня, чему способствовал и раздвоенный ямочкой упрямый подбородок, как у покойного отца. Губы, правда, еще остались почти что детскими, пухлыми, зато растительность на лице полезла уже давно. Светлая небольшая бородка, усы... мозоли на нижней челюсти, натертые подбородочным ремнем из-за постоянного ношения шлема. И еще мозоли, набитые упражнениями на костяшках пальцев. Вечные синяки и царапины, постоянный, несмотря на ежедневные купания, запах пота, въевшийся в войлочный поддоспешник... Миша всегда хотел быть воином – и стал им. Да не простым воином – сотником, начальником и командиром им же созданной Младшей стражи – дозорного отряда из числа отроков Ратного и ближних к нему деревень...

Адаптация прошла успешно, однако ж с тех самых – первых – пор появилась у Михайлы привычка к внутренним монологам или диалогам с язвительным Михаилом Андреевичем, иронично обращающимся к Мишке «сэр Майкл». Зачастую Мишка легко побеждал Михаила Андреевича Ратникова, и тот на некоторое время как бы засыпал, но когда выпадала спокойная минутка, мысли, отнюдь не детские, начинали литься многоводной рекою, захватывая сознание безраздельно.

Что же касается всех дел... Это только сказки, что человек из будущего может запросто перевернуть прошлое, переделать его под себя! Скорее наоборот, это прошлое – нынешнее настоящее! – сильно повлияло на Ратникова, схватило за шиворот, потащило, особо не спрашивая – куда. За прошедшее время Миша сильно изменился, и не только внешне – заматерел, стал куда более циничным, расчетливым и грубым, и самое главное – привык к человеческой крови и смертоубийствам, как обыденному методу решения многих проблем. Вот уж поистине: нет человека – нет проблемы!

А вот эти проблемы – подобные сегодняшней – как раз и должен был разрешать Миша в меру своих сил и способностей, на что имелось прямое распоряжение ратнинского воеводы Корнея Агеича Лисовина, родного Мишиного деда. Человеком дед был суровым и за «порядок» спрашивал строго.

«Малая лодейка» – однодревка с невысокими бортами-насадами (Миша именовал ее – «шестивесельный ял») – уже покачивалась у пристани. Гребцы с загребным – дюжие парни – при виде сотника приосанились и перестали задирать идущих по берегу девчонок – те шли

к мосткам полоскать белье. Тут же, недалеко от ладейки, приткнулся и челнок покосного старшего Зевоты Хромца. Зевота, дожидаясь, сидел на корме и стругал какую-то палку.

– Вперед! – ловко запрыгнув в ладью, приказал Михайла. – Вон за тем челноком. Зевота – показывай дорогу...

Плыли хоть и против течения, да ходко, не такой уж и быстрой была Горынь-река, а ближе к берегам вода и вообще частенько почти стояла, а лодки были не настолько большими, чтоб всерьез опасаться мелей – чай, не торговые ладьи!

Было еще утро, но солнышко уже начинало припекать, по всему чувствовалось, что день будет жаркий. Ну, и хорошо, что не дождь – тот бы точно все следы смыл! Если они, эти следы, еще вообще остались...

Скептически хмыкнув себе под нос, Миша всматривался в берега, заросшие ивой и черноталом, на заливные луга с пасущимися стадами, на синевший недалеко густой смешанный лес. Не выплывая на стремнину, лодки держались близехонько к берегу, так, что можно было протянуть руку и сорвать осоку или рогоз. Совсем рядом, за брединой, выпорхнули из густых зарослей вербы скворцы – взъерошенные, мокрые – видать, спасаясь от жары, залезли на отмели в воду. Чуть дальше, на лугу, отцветая, догорал белыми звездочками белозер, грелись на ярком солнышке красно-белые «кошачьи лапки», а чуть дальше, за разлитым золотом лютиков и купавниц, многобашенной крепостью покачивались густо-розовые елочки кипрея. Отражаясь в спокойных водах, медленно проплывали по небу белые кучевые облака, похожие на чудесные замки, в кустах пели жаворонки, а рядом, в тенистом омутке, всплеснула какая-то крупная рыба.

– Ой-ё! Осетр! – восхищенно бросил кто-то из гребцов.

– Сам ты осетр! То ж видно – щука!

Миша улыбнулся – отроки еще, почти дети. Впрочем, по здешним понятиям – уже куда как взрослые, всем по четырнадцать лет, а кому и поболее. Скоро жениться пора, а они тут... как дети!

– Сам ты щука! Говорю же – осетр!

– А ну отставить разговорчики! – покосившись на сидевшего рядом Мишу, живо пресек загребной – младший урядник Регота. Постарше других, посолиднее, с уже пробившимися усиками и бородкой.

За излучиной потянулись леса, река сузилась, берега стали выше, и густой лес подступил к самой воде, цепляясь корявыми ветками за весла. Течение усилилось, и гребцам пришлось попотеть, пока вновь не оказались на плесе.

– Приплыли почти, – оглянувшись, крикнул с идущего впереди челнока Зевота Хромец. – Эвон – покос... – он показал рукой на заливной луг. – А вон, в тех кусточках... там полюбовнички...

– Давай туда, – быстро приказал Михайла.

Похоже, тела так никто и не трогал, даже дикие звери еще не успели подойти, обглодать. А вот муравьи – те уже да, позвали повсюду! Мертвая, бесстыдно оголенная девушка лежала в луже собственной крови с перерезанным горлом. Белое, все еще красивое, лицо ее напоминало ромейскую статую. Большой рыжий муравей деловито полз по лбу к носу...

Недалеке, на подстилке из мягких медвежьих ушек и таволги, лежал молодой парень с черной стрелой в груди.

Вокруг весело щебетали птицы.

Глава 2

Погорынье – Туров. Август 1130 г.

В распахнутых глазах мертвой девушки отражалось бледно-синее, с плывущими облаками, небо. Пахло пряной травой и сладким медовым клевером... а еще – кровью. Над лужей потемневшей и уже запекшейся крови жужжали противные изумруднозеленые мухи.

Природа же радовалась погожему летнему дню, ей было все равно, кого там убили... Ярко зеленела трава, высокая и густая, тянулись к небу бодрые цветики Черноголовки, рядом, у зарослей ольхи, теснились желто-синие соцветия иван-да-марьи. Синие – «иваны», желтые – «марьи». Там, где посвежее, в тени, росли больше «марьи», правда, не такие уже радости ☺-золотые, а какие-то пожухлые, безрадостные.

Невдалеке у неширокого ручейка зацепилась за высокие стебли таволги атласная голубая лента.

– Говорю ж – женихаться пришли, – указав на ленту, шепотом пояснил Хромец. – Я не трогал... все как есть оставил...

– Правильно, – сотник наклонился и, сорвав листочек щавеля, бросил его в рот, пожевал, стремясь избавиться от стойкого запаха смерти.

Миша всегда хотел быть воином и стал им, но вот к убийствам и трупам... не то чтобы не привык – какой же воин не привыкает к смерти? Но одно дело, когда в бою и кругом враги, и совсем другое – вот так... когда своих... неизвестно кто... подло... Да и убитые-то – почти дети еще...

Похоже, девчонку еще и изнасиловали. Сволочи!

– Двое их было, – подковыляв, все так же негромко промолвил колченогий калека. Сказал и, предвывая последующие вопросы, заговорил куда быстрее и громче: – Они вдоль реки пришли, по рыбацкой тропке. Я там следы видел... Хочешь, господине, так и сам взгляни...

– Взгляну! Дальше! И... почему ты сказал – «они»?

– Они, – Зевота убежденно дернул реденькой бородашкой. – Эвон, у воды – следы. Вон там, где мокрее. Одни – широкие, большие, другие – куда как меньше и длинные, узкие...

– И впрямь... – не полнясь, сотник подошел к реке, склонился над серовато-желтой песчаной полоской. Как именно были обуты злодеи – на мокром песке не увидеть, не угадать – постолы ли плетеные, сапоги, кожаные башмаки-поршни... Бог весть. Однако если присмотреться, видно – следы-то разные.

– Та-ак... Давай, Хромец, говори дальше. Смотрю, ты тут времени не терял...

– Да я немножко... Сперва они там вон, в ольховнике, схоронились – ветки обломанные, свежие... – ковыляя обратно, пояснял Хромец. – Видать, шли себе, вдруг голоса услышали – остановились, поднялись незаметненько по кустам... Там посидели недолго. Оттуда же и напали. Сперва парня взяли на стрелу, потом – к девке...

– Добро, – искоса глянув на Зевоту, Миша одобрительно покивал. – Что еще скажешь?

– Не особо они кого боялись, – неожиданно промолвил хромой. – Спокойно все делали, не торопясь. Пока один насильничал, другой смотрел... И на стороже не был. Эвон, листочки примяты...

Нежные и пушистые медвежьи ушки невдалеке от убитой девы были не то что примяты – раздавлены. И впрямь кто-то стоял...

Сотник подошел, встал... Оглянулся...

– А всей-то реки отсюда не видно. Ольховник мешает и вон, рогоз. Спокойны, говоришь? Значит, еще кто-то был... или были. Невдалеке. Сторожа.

– Челнок могли сторожить, – согласно тряхнул бородкой Зевота. – Мыслию так. Не пешком же вдоль реки шлялись? Если не «журавли»...

Михайла нервно дернул шеей:

– «Журавли» – вряд ли. У нас с той стороны караулов достаточно. «Лешаки», правда, могли пробраться... Однако незачем – у них там и своих дел полно – все-то власть делят. Да с новым старостой их, Глебом, мы вроде как в друзьях... Нет, не «журавли», вряд ли... Парни, что там с вещами?

– Серьги серебряные на месте, браслетики тож... – деловито доложил один из парней. – На отроке поясок кумачовый, да ложка, да нож... Тоже не взяли.

– И ленту атласную, – усмехнулся Хромец. – Не за-ради навару убили, господине. Силу свою показать! Ленту да серьги не взяли, убитых не спрятали... Слышал от гостей торговых – бывают такие лиходеи, коим и не прибыль нужна, а вот так, покуражиться!

– А еще бывает, новых разбойников кровью вяжут, – сотник задумчиво покусал губу и нахмурился. – Однако сие не есть хорошо. Знали ведь наверняка, на чьей земле безобразничают. И тем не мене – пакостили... В зародыше сие надо пресечь!

Последнюю фразу Михайла воскликнул с гневом, пнул ногою подвернувшуюся корягу, схватился за рукоять меча... Хотел было послать гонца в Михайлов городок – усилить бдительность, досматривать всех... Хотел, но раздумал – и так уже там все было сделано. Усилено, углублено... Всех чужаков проверяли!

Впрочем, как сказать – проверяли? Паспортов-то еще не придумали, да и номера на лодки да повозки – тоже. Расспрашивали, досматривали – так и определяли, не злодей ли – на глаз...

– Найдем... – погладив меч, хмуро пообещал Миша. – Чай, не призраки. Как-то они сюда пришли, как-то ушли... Не по воздуху же прилетели... Говоришь, у них челнок мог быть?

– Мыслию тако, господине, – Зевота снова покивал.

– Или вообще – ладейка...

– Не, господине, – неожиданно возразил Хромец. – Ладейка – приметлива слишком. Всяко увидят, узнают... Ине дело – челнок. На челноках корабейники шастают – много... Поди узнай...

– И то верно...

Сотник посмотрел на калеку с нескрываемым уважением – насколько тот оказался приметлив, умен, рассудителен. А с виду не скажешь! И как раньше-то такое сокровище на глаза не попало? Хотя... кого попало, старшим на покос не пошлют. Тем более – хроменького.

– Давайте тела в ладейку, – распорядившись, Миша вновь обернулся к Хромцу: – Ты чьих будешь?

Спросил – и едва не расхохотался. Ведь в лучших традициях советского кинематографа вышло – «чьих будешь, холоп?»

Собственно, и ответ оказался похожим:

– Бобыль я... Был... Ныне – Собакина Гюраты обельный холоп. Шестое лето уже.

– Собакины? Знаю.

Клан Собакиных жил на южной окраине Ратного, на самой околице, владея просторной усадьбой, небольшим заливным лугом с пасекой, рябиновой рощицей и водяной мельницей на бурном притоке Горыни-реки. Само собой, и пахотная земелька имелаась, да в таком количестве, что запросто хватило и для трехполя. Не бояре, но где-то рядом. Своеземцами таких звали. Как вот в землях Журавля Костомара-вдова... Ах, Костомара...

– Так! – Михаил всегда был парнем решительным – соображал и действовал быстро. – Давай быстро вези хлеб на покос... потом нас нагонишь. Где, говоришь, подростков-то убили?

– Кого, господине? – непонимающе моргнув, скривил губы Хромец.

– Отроков злодеи где побиваша?

– А! Так чуть вверх по реке... версты три. Я догоню, господине!

– Давай.

Вежливо поклонившись в пояс, обельный¹ холоп Зевота Хромец поковылял к утлому своему челноку, сильно припадая на правую – явно «сухую» – ногу. Полиомиелит, что ли? Эта хворь и в *там*, современном, мире жуткая, а уж здесь и подавно. По сути – верная смерть. А Зевота вот как-то умудрился выжить... Тут либо ремеслом каким нехудо б владеть, либо – иметь мозги. В случае с Хромцом явно – последнее.

Зевота не подвел – догнал, и даже обогнал, поплыл впереди, указывая путь к очередному месту происшествия.

– Эвон, сюда... к омутку... От тут они и ловили. Все четверо. Всех четверых и... – ткнув челнок носом в густые заросли рогоза, камыша и осоки, Зевота перекрестился и выбрался на берег. – Наши их забрали уже, господине... Да я говорил.

На круче, над омутом, на опушке чернело кострище. Дальше начинался лес, а вокруг кострища теснились густые заросли орешника, ольхи, вербы...

– От раkitника тати явились, – дождавшись сотника, пояснил Хромец. – Во-он, поднялись от реки... Собаку убили там еще... Отроки же – у костра. Похлебали ушицы, спали... Тут их и... На ножи! Опять же, ничего не взяли...

– Нелюди! – один из сопровождавших Мишу воинов выругался и сплюнул. – И зачем такое творить?

– А вот ведь верно – зачем? – хмуро обернулся сотник. – Сам как думаешь? В глаза смотреть! Отвечать!

Повысив голос, Михайла специально привлек внимание всех – хотел всех и выслушать, у кого какие думы...

– Мыслю, спугнул кто-то татей, – почесав затылок, промолвил молодой страж – плотненький, но еще совсем юный, безусый...

Миша покивал:

– Добро. Следующий... Ты! Чего тати хотели?

– Чего-то украсть, господин сотник! – браво доложил следующий. – На то они и тати.

– Та-ак... А ты что думаешь, господин младший урядник?

Младший урядник Регота Сивков важно пригладил едва пробивающуюся бородку – три волосины на подбородке:

– Мыслю, самих отроков украсть и хотели! Да потом гостям торговым продать. А то чего у них тут еще красть-то?

– Молодец! – одобрительно кивнул сотник. – Значит, кто-то спугнул... И тех, кто спугнул, хорошо б поскорее найти. Они ведь не тати, прятаться не будут... Все! Давайте все на ладью, нам еще к излучине... и хорошо б к обеду управиться.

– Есть, господин сотник!

Парни спустились к лодке, колченогий же поспешал медленно – в меру своих сил. А вот и вообще остановился... Обернулся, глянул...

– Дозволь доложить, господине!

Миша повел плечом:

– Так изволь, докладывай. Что-то еще заметил?

– Так это... несуразица... – хмыкнув, развел руками Хромец. – Ежели отроков украсть задумали – зачем же их убивать? Кому ж мертвые-то нужны?

– Да много кому, человеке... – невесело улыбнулся сотник. – Жрецам, колдунам, лекарям... человеческий-то жир знаешь сколько стоит? Правда, тут еще надо знать, кому продать...

¹ Полностью зависимый от хозяина.

– А может, куда проще все, господине? – видя, что к его мнению прислушиваются, Зевота наконец осмелел. – Может, их убили за то, что увидали случайно что-то не то... или кого-то не того... да значения не придали... Вот их и того... на всякий случай.

– А вот это – объяснение, – улыбнувшись, согласно кивнул Михаил. – Правда, есть и другое... И очень недоброе, к слову. Убили отроков просто так. Могли убить – и убили. Этак походя... Как и тех, полюбовничков... Показать чтоб – нет в Погорынье порядка! Не навели. Ни воевода, ни сотник, ни староста – никто толком управлять не способен! Что смотришь? Так ведь было уже... и совсем-совсем недавно. Думали тогда – справились... ан, выходит, нет... Ладно, поглядим, те ли это люди... Если те – Брячислава-вдовушка наверняка в курсе... Правда, трогать ее пока нельзя – княжье слово. Сказано только «следить», но не «имать». Впрочем, тут что-то придумать можно...

Своеземец дед Коряга тоже был в Ратном человечком не из последних, хоть и на первые роли не лез. Землицей владел преизрядно, хотя по боярским-то меркам и маловато будет. Хитрован себе на уме и, скорее, консерватор – трехполье одним из последних пользоваться начал. По селу ходили упорные слухи о том, что дед – тайный приверженец старой веры, почитатель Дажьбога, Перуна, Велеса и прочих древних богов, коих официальными властями давно уже было велено именовать не иначе как «прельстительными богомерзкими идолищами». Так именовали. Но многие им продолжали молиться. Кто – тайком, а кто и открыто – как та же волхва Нинея, давно уже поутратившая прежнее свое влияние и силу. А все потому, что оскудела Нинеина весь, обезлюдела: после недавнего страшного мора все, кто мог, в Ратное перебрались, благо там привечали всех. А где большое село или город, там старой вере места почти что и нет. Старая вера по деревням, по урочищам да весям таится, правда, и не исчезает, да и вообще, никуда деваться не собирается.

– Так... – простившись с Зевотою, сотник махнул рукой. – Двигаем дальше. Где там Корягиных-то убили? На плесе у Медвежьего урочища... Три покойничка, ага... Значит, по словам стражей получается – два холопа и Ефим-рядович...

– Господине! – подпрыгнул у кормового весла младший урядник Регота Сивцов, назначенный ныне над прочими парнями страшим. – Дед Корягин обещал своего человечка прислать. Ну, мало ли, пояснить что-то...

– Скорей, чтоб самому все побыстрей разузнать, – хмыкнув в усы, Михаила поправил висевший на поясе меч в зеленых сафьяновых ножнах. Тяжелый, с массивным навершием и лезвием длиной около метра, он ничуть не напоминал коротенькие тесаки Младшей стражи, кои те гордо именовали «мечами». Оружие рыцаря, стоившее немерено и являющееся символом власти.

– Ладно, посмотрим... прийдет – так увидим.

Теперь плыли вниз по течению, быстро, с ловкостью огибая мели и торчащие на излучинах камни. Регота орудовал веслом, словно заправский кормщик, – и Миша, как опытный командир, не преминул это отметить. Люди – ресурс, и всегда не худо знать, чем именно сей ресурс особо полезен.

У Михайловского городка, у пристани, лодейка причалила – парни, перекрестясь, вынесли завернутые в холстины трупы. С пристани тут же спустилась стража – парочка отроков в коротких кольчугах и шлемах. Первогодки, гордые порученным делом. Следом за отроками спускалась к реке какая-то девица в красной запоне с узорами. Стройная, сероглазая, с длинной золотистой косою. Подойдя к ладье, поклонилась сотнику:

– Здрав будь, Михайле Фролович.

– И ты будь здрава, Звенислава Путятична, – столь же вежливо поздоровался Миша. – Дед послал?

– Он...

- Ну, садись в лодку... Вон, на корму...
- Я бы на носу лучше. Люблю вперед смотреть.
- Как знаешь...

Юную красавицу Звениславу (в крещение – Елену) сотник знал уже около трех лет, их личное знакомство состоялось в далеком Царьграде-Константинополе, в тот самый год, когда Миша вызволял туровских девушек из самого гнусного рабства. В том числе и Звениславу тогда вызволил... и многим именно она тому вызволению помогла, подсобила. Умная! Не так уж редко это встречается, чтоб красивая, да еще и с умом... впрочем, не так уж и часто.

Ныне Звенислава – или просто – Звения – разменяла уже семнадцатую весну... Если не восемнадцатую! Не юница уже, давно пора замуж да деток рожать, как у всех людей принято... А вот дед Коряга, судя по всему, придерживался несколько иного мнения. Ходили упорные слухи, что именно Звенислава ведет в большой семье Корягиных все финансовые дела, и с ее уходом деду придется очень даже не сладко. Вот и тянет хитрован-большак с замужеством внучки, всех женихов под разным предлогом отваживает, Звеню же держит в строгости, даже на гулянки девичьи не пускает. Да она и сама не идет, что ей там, среди четырнадцатилетних соплячек, делать?

Вот если б попался выгодный жених, тогда, конечно, другое дело... Но дед Коряга все же боялся прогадать. Вот не спешил... И все же понимал – рано или поздно, а отдать внучку замуж таки придется. Ну, еще, пожалуй, год – и все...

В ладейку еще заскочил и Глузд – из той смены, что, возвращаясь, наткнулась на утопленников...

- Можно мне на нос? Ой... разрешите, господин сотник?
- Рядом там примостись. Со Звениславой...
- Ага.

Скрипнули уключины. Вспенили воду весла. Отвалив от пристани, ладейка ходко поспешила вниз по реке...

Излучина напротив Медвежьего урочища выдавалась далеко в реку пологим лесистым мысом, или лучше сказать – сама Горынь-река делала здесь весьма крутой изгиб. За следующим мысом уже синела широкая Припять. Там же располагался и дальний пост Младшей стражи.

- Вон! – замахал руками Глузд. – Вон оно, плесо!

Звенислава недовольно дернулась:

- Тихо ж ты, скаженный! Едва в реку не сбросил... Нельзя спокойно сказать?

- Дак я и спокойно...

– А зачем так руками махать? Ровно как мельница... Ты вообще спокойно-то хоть когда-нибудь можешь?

- Да я...

Повернув, ладейка резко ткнулась носом в песок... Не удержавшись на ногах, Глузд кубарем полетел в воду.

- Ну вот! – засмеялась девчонка. – Что я говорила? Хорошо, не глубоко, не утонет.

Миша тоже соскочил на отмель:

- Ну, где тут твои утопленники? Веди, показывай...

- А вон, господин сотник! Пряма за осокой...

За камышом, за высокой осокой, грустно покачивались на ветру тяжелые, еще зеленые, венчики рогоза, чуть выше, в густой траве, лежали уложенные рядком мертвецы. Все трое.

– Какие ж это утопленники? – подойдя, присмотрелся сотник. – И что там такое торчит? Не стрел ли обломки?

– Так я и не говорил, что утопленники... – Глузд обиженно повел плечом. – Доложил только, что мертвяки. Корягины, я их знаю...

– Митоня Хряськов... Елизар Ухметьев... Ефимушко... – глянув, сразу же пояснила Звения.

Сказала и вдруг, схватившись за сердце, тяжело опустилась в траву.

– С Митоней я в детстве играла... Елизар мне всегда мед лесной приносил... А Ефимушко... Ефимушко как родной у нас – тиуном... Господи-и-и... Кто ж их? За что? Господ-и-и-и...

Подтянув коленки к груди, девушка уткнулась в ладони лицом и зарыдала...

– Пусть поплачет, – тихо промолвил Михайла. – Поплачет – полегче станет... Однако, друже Глузд, скажи-ка, откуда их могло на отмель-то вынести?

– Так ясно ж, господин сотник, – из реки!

– Понятно, что не с неба! – сотник не удержался, съязвил, зорко оглядывая округу.

– От Щучьих мостков могло принести, – подумав, сообщил Регота. – Ну, мостки там старые... мы проплывали...

– А! – вспомнил Глузд. – Там деревня когда-то была старая... После мора забросили... Потому как вымерла вся! Дома да тын на бревна мужики забрали, а мостки остались... они уж старые все, гнилые...

Сплавали, не поленились, к мосткам... где обнаружили еще трех метрвецов! Увидел их Глузд, который отошел в камыши отлить...

Увидев трупы, перекрестился, оглянувшись:

– Господин сотник! Тут...

– Этот – наш, этого я не знаю... А этот вот... – Звенислава вдруг закусила губу. – Это – Твердило Лодочник... Арсений. Он любил, чтоб Арсением звали... Давно уж в Туров уехал... По праздникам все наезжал, ко мне захаживал. Но так... дед велел его на порог не пускать. Так и сказал: буде появится – гнать взашей нищebroда!

– Не похож он на нищebroда... – склонившись над мертвецом, Миша тщательно обыскал одежду. – Пояса нет – видать, сняли... Рубаха недешевая... но, видно, побрезговали или просто не захотели возиться... Звения, ты сказала – лодочник?

– Ну да, в Турове-то он – на перевозе, у пристани.

– А где тогда лодка? – вскинул глаза Глузд.

Девушка отмахнулась:

– Не лодка – челн... Ой! А у наших ведь тоже лодка должна быть! Новая! Они в Туров-то за ней и ходили – купить. Сговорились дешевле, чем у Неждана Лыка. Ну, еще хомуты там, упряжь – по мелочи...

– И этих – стрелами...

– А лодку, видно, забрали.

– Или – утопили... Господин сотник?

– Да! Осмотрите все здесь.

Больше всего сейчас сотника интересовал неопознанный труп. Кто же это? Попутчик? Знакомый? Или – один из убийц...

– Глузд, ну-ка рубаху на нем задери... И кровь сотри... Ага-а... Не на стрелу – на нож взяли. – Выпрямившись, Михайла задумчиво почесал бородку. – Довольно ловко – прям между ребер. Так бить не каждый сумеет... Тут особая сноровка нужна.

Коренастый, серая сермяжная рубаха, порты, обмотки... кожаные башмаки-поршни. Редкая рыжеватая борода, приплюснутый нос... По виду – крестьянин, смерд... Хотя судя по ладоням – вряд ли! Мозолей-то от сохи нет! Да и от косы – вот здесь вот, у большого пальца... Зато на подушечках пальцев – характерно! Такое у гитаристов бывает... и еще – у лучников!

– Из лука он бил, – усмехнулся Миша. – Думаю – вполне умело.

Звения вскинула брови:

– Так что ж это получается – тать?

– Очень может быть... может... Однако следов драки не видно... Глузд!

– Я, господин сотник!

– Как думаешь, откуда мертвецы в осоке взялись?

– Так – с мостков же! Упали – их теченьем-то и принесло... Этих вот двоих – от мостков.

А вот этого... – парнишка указал на плосконосого незнакомца. – Этого могло и от берега. А те, что на плесе, – тех от самого конца мостков. Оттуда они и упали...

– Или – с лодки, – подсказала Звенислава. – Что же, выходит, лодку-то нашу купленную тати с собой увели? Уплыли...

Сотник повернул голову:

– А что была за лодка?

– Откуда ж я знаю? – резонно возразила дева. – Но должны были большую купить. Сено с покоса возить, ну и в город чего-нибудь на продажу. Вот, верно, как ваша ладейка... только поуже да раза в два поменьше.

– Однодревка с бортами-насадами, – покивал Миша. – Шесть весел, трое гребцов. Значит, лиходеи ее и прихватили...

– Господине! – урядник Регота Сивков вдруг закричал с мостков. – Лодку затопленную нашли! Эвон...

– Ага, – хмыкнув, потер руки Михайл а. – А пошли-ко и мы – поглядим...

Затопленная лодка оказалась не особенно и большой – узкий челнок с местом для гребца на корме и двумя скамеечками для пассажиров посередине. С пробитым дном, она лежала на боку, на отмели, не так уж и глубоко.

– Узнаешь? – зайдя в воду, Миша обернулся на Звениславу.

Та быстро разулась, подвернула подол...

– Его челн. Арсения... – тихо промолвила девушка. – Катал меня как-то... Господи... вот ведь – судьба. Хотел из бедности выбиться... выбился... Ох ты ж, Боже, Боже...

Шмыгнув носом, девушка поспешно отвернулась и пошла к берегу... Худенькие плечи ее дрожали, по щекам текли слезы...

– Арсений, Арсений... Хоть и не люб был... Да за что же тебе судьбина такая злая?

– Господин сотник, – обратился Регота, дождавшись, когда Михайла выберется на мостки. – Покойнички-то все на лодью не поместятся...

– Потом за ними вернетесь... Да! Оставь кого-нибудь присмотреть.

Усевшись в ладейку, сотник поманил пальцем Глузд а:

– А ну-ка, парень, рядом здесь примостись... И, пока плывем, кое-что поведай... ты ж у нас утром с дальнего поста сменился, так?

– Так, господин сотник, – присев на край скамейки, парнишка согласно кивнул. – Хотите спросить, не было ли чего подозрительно? Так ничего такого... Мы доложили бы, кабы было...

– Поутру кто-то по реке плыл? – быстро спросил Миша. – Из незнакомых.

– Отрок один был, из «журавлей». На вид – как нашим первогодкам, тощий, скулы такие... широкие... И немножко выпученные глаза... А лодка у него большая – едва управлялся!

Глузд, пока говорил, то поворачивался, то дергал шеей, хватался то за собственное ухо, то за рукоять весла – ни секунды не мог посидеть спокойно, такой уж был человек.

– Лодка, говоришь? А подробнее!

– Подробней Остроухин Кирьян видал, из моей стражи. Он близко подходил – а я в кустах, на стороже. Подослать Кирьяна, господин сотник?

– Да. Пусть до обеда зайдет. – Сотник прищурился и покусал губу. – Отрок в большой лодке – один... А говоришь – ничего подозрительного!

- Так его на Припяти-реки свои ждали.
- Это он так сказал?
- Он.

Вернувшись обратно в Михайловский городок, Миша напился квасу и принялся думать, расхаживая по горнице взад и вперед, благо помещение было просторным, без обязательных лавок вдоль стен.

«Ну, что скажете, сэр Майкл? И кто все это устроил? На покосе, у омутка, у старых мостков... Это все одни и те же злодеи – или все ж таки разные?» С покосными, скорее всего, одни и те же расправились – там рядом все. А вот с корягинскими холопами и лодочником – тут и обычные лиходеи могли – мало ли разбойничьего люду по рекам да весям шастает? Народец ловкий – ни одна сторожка не уследит, к каждому дереву часового не приставишь. И кто же все-таки тот незнакомец с приплюснутым носом и редкой рыжевато-бородой? Вообще-то, запоминающийся тип, этакий красавец... Разбойник, убитый при налете? Да нет, лиходеи-то Корягиных на стрелы брали... ловконько положили – не дали опомниться. Хороший стрелок в секунду стрелу может выпустить, тут в навыке дело – а навык сей с детства формируется... Хорошо, сэр Майкл, пусть не в секунду, пусть в две секунды стрела, даже в три, в пять, наконец... Это на пятерых – двадцать пять секунд выходит. Меньше чем пол-минуты... А лучников, скорее всего, было несколько. Корягинские бедолаги и сообразить не успели, как их уже... того... Никакой рукопашной не было! Следы борьбы полностью отсутствуют – ни колотые или резаные раны, ни синяки, даже одежда не порвалась. Значит, что? А то, что плосконогого-то прирезали свои же! Видать, не поделили добычу... А добыча – лодка? Хорошая новая ладья – даже небольшая – немалых денег стоит... да и добычу на ней легче увезти... А почему тогда челн не взяли? И вообще, что же они, у реки без лодки безобразничали? Могли и без лодки – лодку-то заметить можно, а вот людей – коли тропки тайные знают – так поди еще, попробуй... Ладно, как они тут оказались, зачем и кто послал – это все пока что из области ненаучной фантастики. Фэнтези, так сказать, – пустое гадание на кофейной гуще. Надо бы, сэр Майкл, даже в предположениях отталкиваться от чего-то более существенного. От чего? Ну, хотя бы так... Челнок-то они затопили не просто так, а... потому что элементарно не смогли бы угнать – народу-то в шайке осталось мало. Человечка два-три, из них один подросток – тот самый, кого видели воины Младшей стражи. Если отрок сей, правда, при делах...

Человечка два-три... если пользоваться социологическими терминами – типичная малая группа. А группы у нас бывают формальные – с уставом, четким подчинением и всем таким прочим... и неформальные – просто так собравшиеся... вина там попить, на завалинке девок пощупать... Интересно, эта шайка к каким относится? Не такой уж пустой вопрос... Одно дело, когда лиходеи случайно в кучу сбились, и совсем другое – коли их специально собрали да кое-что поручили. Кто собрал? Что поручил? Зачем? Это все надо выяснить... Пока же единственная ниточка – пропавшая лодка...»

Чу! Миша вдруг перестал шагать – кто-то стоял за неплотно прикрытой дверью. Подслушивал! Ну да – вон тень...

Сотник собрался было резко рвануть дверь... да та сама распахнулась.

– Разрешите доложить, господине? – вытянулся дежурный отрок или, как его называл Миша, – дневальный.

– Ну?

– Явился Остроухин Кирьян, из десятка рыжего Велимудра. Говорит – велено.

Михайла недовольно хмыкнул:

– Что еще за Кирьян? А-а-а! Пусть войдет... Стой! А ты давно тут – под дверью?

– Да уж постоял, – звякнув кольчугой, смущенно признался отрок. – Боялся заходить. Десятник наш предупреждал, чтоб никогда не мешали господину сотнику думать.

– Это он прав... Ладно, зови Кирьяна...

Возникший на пороге юноша произвел впечатление человека неглупого и весьма обстоятельного. О случае с лодкой он доложил в подробностях, но без лишней «воды».

– Отрок? На вид лет двенадцать, может, чуть боле. Скуластый такой... лупоглазенький, растрепанный, тощий... но видно, что жилистый, сильный...

– Сильный? – тут же уточнил Михаил. – С чего ты взял?

– С веслом один управлялся, а лодка тяжелая, на трех гребцов.

– Так по течению ж!

Кирьян пригладил волосы:

– Так-то оно так, господине... Так ведь и по течению – сноровка нужна, тоже нужно веслом ворочать, коли не хочешь на мель да на плесо попасть или того хуже – на камень. Неудобно одному, господине! А этот управлялся... И сам по себе – дружелюбный. Улыбался все время, что-то рассказывал...

– Что-что рассказывал?

– Да про то, что из «журавлей». Мол, соседи... Сказал, что свои его на Припяти-реке дожидаются – что недолго уж ему одному плыть осталось. А потом они уж со своими – в Туров.

– Хм... – Миша недоверчиво покачал головой. – А что свои-то без лодки?

– Вполне могли быть, – неожиданно улыбнулся отрок. – Там Потехино, деревня. Журавлевы там завсегда невест выбирали... Вот, верно, и загостились... бывает и так.

– Да уж, бывает, – сотник согласно кивнул и прищурился. – А про Потехино тебе тот лупоглазый парень сказал?

– Не-е! Про Потехино и «журавлей» я и сам знаю. Да все знают, да.

– Хм... все? Я вот, к примеру, не знал, – задумчиво скривившись, Михаила махнул рукой. – Ладно. Что о лодке скажешь?

– Большая, новая... – парнишка закрыл глаза, припоминая. – Пять сажений на полторы. Шесть весел на трех гребцов, скамейка посередине съемная, нашивы невысокие – в одну доску... – сено удобно возить или еще какую поклажу.

– Нашивы или насады? – снова уточнил Михаил.

– Насад – ладья большая, под парусом, а эта именно что лодка, – Кирьян пояснял со знанием дела, степенно. – Гости торговые такую бы для себя не взяли. А в хозяйстве каком – в самый раз. Добра можно зараз увезти – как в трех телегах!

– Так уж и в трех?

– Ну, если пароконные телеги – то в двух...

– Похоже, именно такую лодку дед Корягин и купил, – тихо, себе под нос, протянул Миша. – Именно за такой и посылал. В Туров посылал! А кто там лодки такие делает? Да не так уж и много людей.

– Что, господин сотник? – прислушался Кирьян.

– Молодец, отроче, – все, что надо, запомнил... Теперь ступай.

Поклонившись, Кирьян покинул горницу, тщательно прикрыв за собой дверь.

Миша подошел к окну и, щурясь от солнца, взглянул в голубое летнее небо. Лодку в Турове отыскать – не проблема. К тому же перевозчики наверняка погибшего лодочника знали. Насколько хорошо – Бог весть, но знали, все ж таки – коллеги.

Итак – Туров...

Подойдя к порогу, сотник распахнул дверь:

– Дневальный! Ермилу-десятника покличь! Пусть заглянет.

Уж, конечно, ехать самолично в Туров (как поступил бы еще года два-три назад) Михайла вовсе не собирался – не позволяла занимаемая должность. Не дело сотника так вот мотаться, на то подчиненные есть... Не зря ведь в управленческой науке придумали делегирование полномочий. А без этого какое же управление? На семь частей при всем желании не разорвешься никак. Не нужно это. Да и несолидно – так и уважать перестанут совсем.

– Поручик Ермил... по вашему приказанию...

– Да не тянись ты, друже... Садись вон, кваску испей... Только сам себе наливай вон, из кувшина. Мне заодно плесни – жарко.

Славный юноша. Сколько ему – шестнадцать? Да, где-то около того. Как и рыжему Велимудру-Вельке. Вытянулся уже, но еще не успел заматереть. Смуглый, узкое, обрамленное длинными темными волосами, лицо. Ермил чем-то походил на ромея или венецианца. Умен, начитан, предан. Всегда спокоен, несуетлив. Перед начальством не заискивает, себе цену знает. Серые глаза смотрят по-взрослому, цепко. Сирота. Выходец из Нинеиной веси, но со старой волхвой не дружит... мягко говоря... Дружит с землячком своим – Велькой, и еще с одной девушкой, Добровоей Истоминой. Правда, девица эта та еще – воин в юбке. Из лука, из арбалета бьет, с рогатиной управляется, с мечом...

– Ну, как? Вкусен квас-то?

– Ага...

Серые глаза юноши вопросительно смотрели на сотника... Правда, никакого нетерпения Ермил не выказывал – спокойно пил себе квас. Раз уж угостили.

– Сегодня же отправляйся в Туров, Ермиле, – сотник не стал мучить парня ожиданиями. – Там встретишься со Ставрогиным... Помнишь его?

– Артемия Лукича? – Ермил спрятал улыбку. – Да помню – дознаватель княжий.

– Ну и хорошо. Как смеркаться начнет, подойдешь к детинцу, прямо к мосточкам, к башне... Там и стой...

– И долго?

– Увидишь... Да уж не до утра, парень! – усмехнувшись, Миша протянул посланцу берестьяную грамотцу, саму собой скрутившуюся в свиток. – Послание мое передашь. Там – так себе – поклоны да просьба немножко помочь... Самое главное обскажешь на словах. Слушай...

Проводив юношу, сотник вновь принялся ходить по горнице – думал, как всегда, мысленно разговаривая сам с собой, сам с собой споря. Пока не имелось конкретики, можно было обдумать так сказать – общее...

«Почему убийства произошли именно сейчас? Ведь почти год все было спокойно... А? Что скажете, сэр Майкл? Может быть, есть какое-то важное дело, событие... которое кому-то очень хочется сорвать!»

А ведь есть такое! В двадцатых числах сентября – на «осенины» – запланирована большая суконная ярмарка или, как тогда говорили – «торжски». Ярмарка – слово немецкое, пока что неведомое, поэтому и «торжски». На торжски обычно собирались по отраслям – скажем, тележных дел мастера и саночники, или горшечники, кузнецы, ювелиры... На этот же раз – суконники. Впервые в Ратном. И тут не только в престиже дело, хотя и не без этого – среди сукноделов и торговцев сукном бедняков не водилось. К тому же-и это главная причина – я на паях со старостой Аристархом совсем недавно открыли сукновальную мануфактуру, опередив «осевое время» (выражаясь словами философа Карла Ясперса) веков этак на пять. Ну, а почему бы не открыть? Производительные силы для этого имелись – и сукновальные станки (изобретать не надо), и ткацкие станы, и двигатель – верхнебойное водяное колесо. Ну и рабочая сила... Еще имелись малоимущие свободные люди, еще не всех закабалили – вполне можно было нанять, тем более в законах – в «Русской правде» – договор найма был прописан особо. Наймитами там называли закупов. Согласно статье семьдесят третьей «Рус-

ской правды» наймиты находились фактически на положении временных холопов, поскольку должны были работать на хозяина до возвращения купы – денежной или вещевой ссуды, то есть «лицо, лишенное права отходить от своего хозяина, пока он долга своего не заплатил или не отработал». За попытку уйти от господина не расплатившись и за кражи закуп может быть обращен в полное холопство согласно дополнениям к основному закону – статьям пятьдесят пятой, пятьдесят шестой, шестьдесят четвертой – так называемой «Пространной правды». Я правда немножко иначе смотрю на «купу» – разбив ее на две части: собственно «купу» – аванс – и – зарплату.

Слава богу, цеховое движение еще не имеет на Руси такой силы и распространения, как в Европе – не надо отчитываться перед цеховыми старшинами за количество станков и работников, размер оплаты труда и время работы. Эта вот правовая отсталость, неразработанность трудового права, нынче мне на руку. А что? Может, и выгорит дело. Да обязательно выгорит!»

Давно размышляя над безопасностью родного села – по сути-то давно уже города или, лучше сказать, торгового поселения, «рядка», – сотник пришел к выводу, что такую безопасность (пусть даже и относительную) может дать не только благоволение князя, но и деньги! Хорошие, большие деньги, на которые можно много чего сделать! Такие вот денежки ратнинцы понемногу и зарабатывали – открывали мануфактуры: оружейные мастерские, бумажную мельницу, даже ткацкая имелась...

Тут другое нужно было продумать – кое-что об уважении и отношении людей. Богатство – от Бога, трудись и богатеяй – это ведь протестантская этика, а до появления протестантизма, до знаменитых девяноста пяти тезисов Мартина Лютера еще ого-го сколько! Да и... Где германские земли, а где – Русь? Впрочем, и на Руси что-то подобное появлялось... появится – в Новгороде, лет через триста. Стригольники, жидовствующие и прочие ереси – самый настоящий русский протестантизм! Ну, до того далеко еще... Хотя – надо! Если уж думать глобально, то без идеологии – никуда.

«Ох ты ж, сэр Майкл! Не слишком ли замахнулся? Ишь ты – протестантизм! Философ, ага... Марк Аврелий... Бэкон... Спиноза...»

Давай-ка, сэр Майкл, – спустись с небес на землю, о земном подумай! О насущном. Как там у Блаженного Августина? Град Земной и град Божий? Так вот – о граде земном. О Божьем – уж потом как-нибудь, на досуге... Пока же конкретные проблемы нужно решать – и как можно быстрее!

Итак, сэр... Что вырисовывается? А то, что кто-то очень хочет сорвать торжки – вот что! Конкуренты – мастера-суконники, возможно – купцы. И очень может быть – их кто-то умело и тонко направляет... Ясно кто – Юрий, суздальский князь, старый и упертый вражина, интриган, каких еще поискать! Между прочим – будущий основатель Москвы! А ведь когда-то не так и давно боярин Сан Саныч Журавль с Дамиром-мастером (люди из будущего!) предлагали Юрию все! Технологии, обучение войска, социальная инженерия – все ради того, чтоб Русь вновь стала единой, крепкой... Пусть даже под Юрием... И не было бы никакого ига! А к Юрию имелись подходы – просто сложилось так... Отказался! Не захотел быть кому-то обязанным, сам замыслил всех под свою власть! Вот уж точно – Долгорукий... С той поры «журавли» – а потом и ратнинцы – самые главные его враги. Слишком уж много узнал Юрий-князь... Слишком уж многое ему поведали... Надеялись... Увы!»

Добравшись до Турова с попутным купеческим караваном – три большие лады и две долбленки, – Ермил первым делом зашел в корчму. В ту, что на самой пристани...

Уселся в углу, заказал на половину ромейской медяхи сыто да пирожки с горохом – пищу бедняков, да, потягивая сладковатый напиток, незаметно поглядывал на посетителей, а больше – слушал. В корчме ведь много чего говорили, тем более сейчас, ближе к вечеру.

Народишку собиралось все больше, и люд-то был самый простой – грузчики, лодейщики, артельщики-каменотесы, плотники да прочие мастеровые, из тех, кому на заезжий дом Галактиона Грека путь заказан, потому как там – только для «лучших» людей, для купцов да приказчиков – гостей торговых. Здесь же, у пристани, народец попроще... Песни пели, болтали, с азартом следили за петушиным боем, устроенным каким-то смуглявым типом, потом подрались – но пока что так, вполсилы, не взяхлеб.

– Парень... пирожка не отломишь? – уселась рядом какая-то тощая девка. Босая, в серой посконной рубахе до щиколоток, запона сермяжная, веревкой простой подпоясана, на голове – черный платок, из-под платка – белесые пряди. Лицо узкое, смуглое... хотя нет – скорей, просто загорелое... впалые щеки, длинный тонкий нос да большие светло-серые очи.

Несмотря на молодость, Ермил был юношей умным и в высшей степени наблюдательным, да и господин сотник много чему научил.

Девчонка... Паломница, верно, или просто нищенка. Не сказать чтоб уродка, но и красивой не назовешь. Хотя смотря как поглядеть... Вон, Добровая тоже не всем красавицей кажется... Может, и эта – если отмыть да приодеть...

– На, кушай! – отломив полпирога, Ермил щедро поделился с нищенкой. Да тут же, вспомнив присказки сотника, не удержался, съязвил: – Ни в чем себе не отказывай, дочь! Сыта тебе купить? Или пива хочешь?

– Спаси ты Бог, милостивец! – мотнув головой, нищенка перекрестилась и с жадностью впилась зубами в пирог.

– Кушай, кушай... Эй, человече! Сыта еще принеси... И пирог гороховый...

– Гороховых нету, господин, – оправив рубаху, поклонился корчемный служака. – Не спеклись еще.

– А что есть?

– С белорыбицей да с куриными потрошками! Вкусные зело.

– Окстись – с потрошками! Сегодня ж пятница – постный день!

– Так какие нести?

– Давай уж с белорыбицей.

Прислушиваясь к разговорам вокруг и посматривая на девчонку, Ермил напустил на себя самый благодный вид... И лихорадочно соображал, думал! Вот эта нищенка... Зачем она под села именно к нему? Для встречи Ермил оделся уж очень просто – в серягу да лапти, едва ль не во рвань – а тут, в корчме, были куда более зажиточные посетители... У них бы и выпрашивала! Подали бы не в пример больше... Значит, тут другая цель. Верно, что-то разузнать на первое время. А Ермила выбрала, потому как тот все же производил впечатление человека, которого можно было не опасаться. Этаким простоватым деревенский парень...

– Тя как звать-то?

– Фекла. Паломница я. Из Стародуба.

Ишь ты – Фекла! А ведь не врет, что паломница. «Фиту» – «Ф» – выговаривает уверенно. Местные бы сказали – «Хвекла».

– А на богомолье-то куда?

– Да возвращаюсь уже. С Волыни, с обители дальней. Вот в Турове помолюсь, в ваших краях обителей много! Да тут и сытно все ж, – со всей откровенностью вдруг призналась девчонка. – Осень скоро. Говорят, где-то рядом торжки будут...

– Кто говорит? – Ермил наострил уши.

– Так на пристани... И вон тут, в корчме, болтают.

И впрямь – болтали. Кто-то вспоминал своих знакомых сукноделов, ткачей, кто-то соби-
рался продать на торжках шерсть... Ну, понятно все – событие! Не часто такие торжки прохо-
дят... ну, дай Бог – будут и каждый год.

С другого боку уселся на скамью бугаистый парень, по виду – мастеровой, плотник или
каменщик. Одежка посконина – и красного атласа кушак! Одна-ако...

Заказав хмельной квас, парняга сразу же намахнул кружку и довольно передернул пле-
чом:

– Ух, и славно ж!

– На здоровьице! – с улыбкой покивал Ермил.

– И тебе... – парняга ухмыльнулся. – Меня Кондратом зовут. Каменотес я.

– А я – Ермил.

– А что ж ты хмельное-то? – испуганно моргнув, нищенка покачала головой. – Пост ведь!

– Так ведь не строгий пост-то – пятничный.

Парниша широко улыбнулся и заказал пива еще. Две кружки! Угостил Ермила:

– Пей, брате... Тебе, дева, не предлагаю – пост.

– Да я б и не стала бы – мне еще в церковь идти... – перекрестившись, Фекла поправила
сбившийся на голове платок.

– Тогда вот – пирожка откушай!

– Благодарствую... Так вы оба из Турова?

– Из округи...

– Ой, как славно-то! Так вы мне пути-дорожки подскажете? К обителям славным, или
вот... торжки, говорят, тут у вас...

– Так эт осенью, в хмурень-месяц!

– А я и не тороплюсь. Осень – время сытное... Ладно, пора и в церкву... Благодарствуйте.

– И тебе не хворать, дева.

За распахнутой настежь дверью уже фиолетился вечер, тихий, спокойный, летний.
Народу в корчме заметно прибавились, правда, некоторые ушли – отстоять вечерню.

– Заказать лодку? – Кондрат почесал кудлатую бороду. – Эт смотря какую. Ежели простой
челнок – так к Никодиму, а поболее что – к торговому гостю Никифору.

– Это к тому, у которого в Ратном в боярах родичи? – Ермил хорошо помнил, что Ники-
фор-купец приходился сотнику родным дядькой. Правда, себе на уме был черт!

– К нему... – подняв кружку, каменотес ухмыльнулся. Он, похоже, знал ситуацию куда
лучше, чем ее непосредственные участники. – Да какие там бояре, в селе? Так, одно название...
Сам-то подумай – как такое быть может, что в семье один – простой купец, а другой – боярин?

– Так там сестра...

– Вот! Я и говорю. Боярином только родиться можно... – хмыкнув, парняга поставил
опустевшую кружку на стол и вопросительно глянул на собеседника... или, уж лучше сказать
– собутыльника. – Еще по одной?

– Даже не знаю... – растерянно улыбнулся отрок. – Разве что теперь – за мой счет!

– Славный ты парень, Ермиле! Ну, еще разок – за знакомство...

– За знакомство... ага...

– А мастерская Никифора-гостя – на Луковицком вымоле, там, за городом чуть пройти,
да к реке... Ну, спросишь – покажут, народу там всегда – тьма. И рыбаки, и перевозчики, и
мужики-смерды – кого только нету.

Кто-то вдруг шевельнулся на соседней скамье, сзади – буквально спина к спине... Ермил
резко обернулся... и громко захохотал, увидев все ту же девчонку, Феклу:

– Ты что же, не уходила никуда, что ли?

– Да прям! Просто уже пришла, – улыбнулась паломница. – Вечерня-то кончилась.

– Да и мне, пожалуй, пора, – смущенно признался отрок. – Я ж тут не один, со своими... У боярина нашего, на подворье ночуем.

– А что за боярин-то?

Прощаясь, Ермил ответствовал на ходу – просто прокричал что-то неразборчивое – пооди пойми...

Выйдя из корчмы, юноша пересек пристань и зашагал по мощенной дубовыми плашками улице. Торопился – темнело уже, и ночная стража вполне могла перегородить главные улицы рогатками – доказывай потом, что ты не разбойник, договаривайся, плати... Что же касемо тех, кто до сих пор гулеванил в корчме – так большая часть их явно была с ладей, кто-то жил рядом, а некоторые так и вообще прямо в корчме и ночевали.

Чистенькая и широкая улица, окруженная высоким липами и вязами, называлась Торговой. Смеркалось уже, но пока что было довольнолюдно. Всяк спешил по домам. Пройдя мимо большого и красивого каменного храма – собора Петра и Павла, – Ермил снял шапку и перекрестился, попросив удачи в делах. Спрямяя путь – чай, не впервые в Турове, – пересек торговые ряды и остановился напротив узеньких деревянных мостков, ведущих в княжескую крепость – детинец. Мощный подъемный мост ввиду позднего времени был уже поднят. Выглядел детинец очень даже солидно – глубокие рвы, валы земляные, укрепления из толстых дубовых бревен – стены и башни. Крепкие ворота, подъемный мост – попробуй, возьми!

– Эй, паря! Ждешь кого? – свесившись из надвратной башни, угрюмо поинтересовался стражник в кольчуге и шлеме.

– Да нет, – улыбнулся Ермил. – Так, смотрю просто. Из деревни мы...

– То-то я и смотрю, что из деревни, – стражник хохотнул и поправил на голове шлем. – Ну и как тебе город – глянется?

– О-чень! Красивый, могучий!

– То-то! – пригладив бороду, довольно покивал страж. – Только ты, паря, это... долго-то не смотри. Стемнеет – никуда по городу не пройдешь, везде стража...

– Да язм про то ведаю. Посейчас и уйду...

– Ведает он... Ну, добрый путь, деревня!

Ермил не сделал и пару шагов – догнали:

– Добрый путь... Дэрэвня...

Стройный подтянутый горожанин лет чуть за тридцать, с круглым простецким лицом. Светлая борода, волосы подстрижены в кружок... Взгляд не простой – пристальный, цепкий. Одет, как все небедные горожане – длинная (ниже колен) туника по византийской моде, изумрудно-зеленого цвета, с оплечьем и кожаным поясом. На поясе – кожаная сумочка – калита – и кинжал в красных сафьяновых ножнах, на ногах – легкие башмаки – поршни.

Слово «деревня» мужчина произнес через «э», с выражением крайнего презрения на лице. Видать, какая-то личная обида на деревенских...

– Артемий Лукич! – узнав Ставрогина, обрадованно воскликнул отрок.

– Тсс! Не орите на всю улицу, дружище... э-э... Ермил... Вас ведь так зовут, кажется?

– Ну да, так... Я от...

– Я понимаю, от кого вы... – дознаватель оглянулся по сторонам и махнул рукой. – Идемте. Давно за вами наблюдаю... Значит, помнит Миша о месте встречи.

– Помнит, помнит... – поспевая за быстро идущим Ставрогиным, покивал Ермил. – Он еще сказывал как-то – место встречи изменить нельзя! А почему нельзя – про то не сказывал.

– Любит он такие непонятные присказки говорить, – тихо засмеялся Артемий Лукич. – Причем никак их не объясняет... Здесь вот налево сейчас...

Высокие заборы, ограды, тыны... Запертые ворота, лающие истошно псы... На улицах людей все меньше и меньше... Стемнело уже... В высоких башенках-теремах замерцали оран-

жевые огоньки свечей, улицы же так и оставались темными. Так а зачем их освещать? Кто там ночью и шастает? Одни шпыни ненадобные!

Снова забор – дли-инный. За забором, похоже, сад – яблони, груши... Запах-то! Скоро яблочный Спас, праздник...

Закончив все разговоры, Ставрогин быстро шел впереди... лишь на углу вдруг резко остановился.

– Кто-то идет следом... Схоронись здесь, в кустах... погляди... Ежели что – схватим...

Ермил так и сделал, – а Ставрогин быстро свернул в какой-то проулок... Где-то совсем рядом истошно залаяли псы! Юноша невольно поежился – хорошо хоть, за оградой...

Ага! В свете выкатившейся на небо луны чья-то зыбкая тень показалась вдруг из-за поворота!

– Лови-и! – выглянув, закричал Артемий Лукич...

Ермил выскочил из кустов:

– Стой!

Закутанная в плащ фигура взмахнула рукой... и бросилась прочь! Ставрогин метнулся следом.

Что-то ударило Ермила прямо в лицо... царапая щеки...

– Черт... ушел! – возвратившись, Артемий Лукич с досадою выругался. – Где-то ему калитку открыли... Завтра подумаю на досуге – где бы могли... Ты что молчишь-то?

– Что-то бросили... – юноша быстро наклонился, подняв какой-то предмет, совсем небольшой, легкий... Берестяной свиток!

– Вот...

– Ану, дай-ка... Ладно, на свету посмотрим... Идем!

За заборами снова залаяли псы. Да они и не умолкали! Вот ведь заполошные...

– Тут осторожнее – яма... Теперь – сюда...

Было такое впечатление, что путники ходили по кругу. Вернее, Ставрогин вел, Ермил же послушно шел следом. Пока, наконец, дознаватель не остановился у старой покосившейся ограды.

– Пришли...

Осмотревшись, Артемий Лукич стукнул в калитку. Не просто так стукнул, а по-особому: сначала – три раза подряд, потом – после паузы – еще два раза...

Калитка немедленно отворилась. Выглянувший оттуда здоровенный бугай молча пригласил войти...

Деревья... амбары... тут, похоже, конюшня, правда, очень большая, вытянутая... И у кого может быть столько коней?

Ставрогин шагал вполне уверенно, а бугай-привратник куда-то делся... Наверное, остался сторожить калитку.

«Господи! – про себя ахнул Ермил. – Да это ж – заезжий дом! Ну точно, по кругу ходили! Зачем? Ах да, кажется, Ставрогин кого-то ловил...»

Заезжий дом Галактиона Грека – местечко далеко не для всех и каждого – располагался на узкой улочке с платанами и рябиной. Обширный двор, пристройки – конюшня, амбары, кухня, сложенные из толстых бревен гостевые хоромы – два этажа, серебристая крыша из осиновой дранки.

На первом этаже, как водится, располагалась корчма. Туда и вошли путники. В тусклом свете свечей виднелись длинные столы, лавки, чадивший в глубине очаг. Вдоль прокопченных стен тянулись подставки для тарелок, полочки с кувшинами, пучки пахучих трав, на дощатом полу было разбросано свежее сено.

Народу в корчме практически не было, если не считать пары человек в самом дальнем углу – сидели, бросали кости да негромко переговаривались...

– О! Добро пожаловать! – навстречу гостям вышел седовласый дед в длинной вышитой рубахе и накинутом сверху плаще.

– Здрав будь, Христофор, – вежливо поздоровался Артемий Лукич. – Нам бы на часок келейку. И чтоб никто ничего...

– Само собой, господине... За мной ступайте.

Расположенная на втором этаже «келейка» оказалась весьма просторным альковом. Судя по застеленным синим бархатом лавкам, тяжелым атласным портьерам и низенькому резному столику, «келья» сия предназначалась для тайных любовных утех. Впрочем, и переговорить без лишних ушей здесь тоже было можно.

В бронзовом подсвечнике ярко горели свечи. На столе стояли изящный высокий кувшин, два серебряных кубка и большая золоченая братина с колотыми орешками, яблоками и сыром.

– В кувшине – ромейское вино. Захотите чего большего – дерните вон тот шнурочек.

Сделав необходимые пояснения, Христофор тут же получил от Ставрогина серебряную арабскую монетку и, довольный, откланялся.

– А ну, поглядим... – усевшись, Артемий Лукич развернул грамотку. Прочел и, пожав плечами, протянул бересту Ермилу. – Глянь. Тут, скорей, вам – Ратному...

«Михаилу, сотнику, скажи. Известно стало о том, что уже очень скоро объявится в Ратном некий важный гость. Придет он не с добром. Пусть будут все осторожны. Трижды именем Христа заклиная отнестись к вести серьезно. Ваш друг».

– Ну, что скажешь? – глаза Ставрогина смотрели настороженно, однако с некой толикою насмешки.

– Господину сотнику доложу, – задумчиво отозвался отрок. – У нас и так сейчас – одно на другом. То одних побьют, то других... Тати безобразят!

– Тати сейчас везде безобразят, – Артемий Лукич покачал головой. – Время такое – сытное. Торговля везде, урожай собирать скоро – есть чем поживиться, чего взять... Ну? Миша-то что хотел? – неожиданно ухмыльнулся Ставрогин. – Ведь не просто же так ты у мостика ошивался. Меня поджидал.

– Поджидал. Вот.

Быстро кивнув, Ермил нагнулся и вытащил спрятанную в обмотки грамотку, протянул...

– И чем я могу помочь? – прочитав, осведомился рядович... Ну да, ну да, княжий дознаватель Артемий Лукич Ставрогин исполнял свою важную должность по договору, «ряду», заключенному с туровским князем Вячеславом Владимировичем, младшим братом главного киевского князя Мстислава. То есть Ставрогин был человеком не свободным, почти что холопом, но зависимым только от самого князя, что делало его человеком, несомненно, влиятельным и нужным. – Кого ищите-то?

– Покупателей большой лодки. И – самое главное – продавцов, – пояснил посланец. – Продавцы, скорей всего, убийцы.

– Может быть, – согласно кивнув, Артемий Лукич хитровато прищурился и хмыкнул. – А может, и нет. Вполне могли и через третьи руки...

– Думаю – нет, – смахнув рукой упавшую на глаза прядь, возразил Ермил. – Лиходеи промеж собой не ладили. Пожалуй, вряд ли будут что-то мудрить – зачем? Им бы поскорее. Господине! Мне б тех, кто мог лодку купить... остальное-то я и так...

– Поможем, чего уж, – Ставрогин задумался. – Непросто, конечно, будет... Но кое-кого напряжем... Давай так. Завтра вечером здесь же и встретимся, как стемнеет. Христофора я упрежу. Что-то ты визнаешь, что-то – мои люди. Не журись, отроче! Лиходеи твои – не невидимки, чай! Найдем... А сейчас – мне уже пора, а ты отдохни малость... Христофор поесть принесет.

Бросив в рот пару орешков, Ставрогин поднялся на ноги и, улыбнувшись, откланялся. Вскоре явился и Христофор – принес корзинку с пирогами и прочей снедью...

В лодочную мастерскую купца Никифора, что на Луковицком вымоле, Ермил заглянул прямо с утра. Несмотря на ранний час, там уже ошивалась целая куча народа – рыбаки, перевозчики, мужики-смерды... Солнышко едва только встало, сказочными бриллиантами сверкала в траве роса, с реки тянуло туманом.

– А вот мы на утренней зорьке...

– Да разве ж посейчас клев? Раньше надо было!

– Да уж, спать нынче некогда...

– Мужички! – прикинулся сироткой отрок. – А где мне тут про лодки спросить? Хозяин послал...

– А эвон – Никита-мастер. У него и спрашивай. Да торопись, пока работой не занялся.

За запахнутыми воротами мастерской, похожей на большой длинный сарай, виднелись остовы лодок. Тянуло дымком. Вкусно пахло разогретой смолой и древесной стружкой.

– И какую твоему хозяину лодку? – плечистый мужик с окладистой бородой в длинной посконной рубахе – Никита-мастер – искоса взглянул на Ермила.

– Большую бы! – тут же выпалил отрок.

– Ладю, что ль? Так это не ко мне.

– Не, не ладю. Лодку. Таковую ж, как мужики ратнинские недавно купили. Деда Коряги мужики...

– А-а, Ефимко-тиун! – тут же вспомнил Никита. – Как же, как же! Их Арсений привел, перевозчик... Сказал – земляки. Его Лодочником еще кличут. Ну, это у них, в деревнях... у нас тут таких лодочников – тьма! А Сенька ножиком еще хвастал – купил... Ленты еще, подарки всякие. Зазнобе, говорит... Так что они, на лодку не жаловались?

– Да не жаловались... А лодки-то можно посмотреть?

– Так смотри... Хозяин-то твой цены знает? Еще и обождать придется – заказов нынче много.

Знатные были лодки! Вместительные, добротные, красивые. Ну, конечно, красивые! Разве любая вещь, сделанная с душой, – не красива? Так красива морская ладю, жутко красив и варяжский драккар... И вот эти – казалось бы, вполне обычные лодки – тоже красивы, не оторвать глаз!

Что же – теперь точно установлено, лодку Корягины покупали здесь, у мастера Никиты. И что с того? Что это дает-то? Тут Ермил пока что ответить не мог, но точно знал одно – именно так действовал бы сейчас сотник, именно так он и учил.

Простившись с мастером, Ермил направился в город, раздумывая – не упустил ли чего? Так вот, в раздумьях, и встал возле уютной деревянной церковки Рождества Богородицы, рассеянно перекрестился, глядя, как дерутся в пыли воробы... Рядом, на паперти, сидел какой-то мелкий отроче и деловито стругал ножиком палку... Удочку, что ли, выстругивал?

Нож! Арсений Лодочник хвастался ножом – об этом обмолвился Никита-мастер. Так, невзначай, между делом. Подумаешь – хвастал, подумаешь – нож... Подумаешь – да не скажешь! Не каждым ножом похвастаешь, далеко не каждым... На торговой площади таких дешевых ножиков...

Значит, этот – не дешевый! Значит – дорогой, на заказ сделанный... Такой, какой Кузнецик когда-то выковал – стальной, с наваренными железными щечками, сам собой затачивается!

А где у нас тут кузнецы? Да в Заречье – у реки...

– Господи, помилуй... Здрав будь, Ермиле!

Вздвогнув, юноша резко обернулся:

– Фекла! Ты как здесь?

– Вот, – поправив платок, юная странница кивнула на церковь. – Заходила... Посейчас вот в храм пресветлый Петра и Павла... Пошли-ко, отроче, со мной – отстоим обедню!

– По-ошли...

Ну а как было отказать-то? Да и нужно ли? И так-то, прости Господи, сегодня все на скорою руку – помолился наскоро, заутреню вообще пропустил... Ну, хоть обедню, а то все как-то не по-христиански...

– А я тебя на дворе у Галактиона Грека видала! – на ходу сообщила девчонка.

Отрок хмыкнул:

– А ты-то там как?

– Пустили добрые люди. Ночую.

После обедни Фекла увязалась за Ермилом в Заречье. Правда, до кузнецов не дошла – свернула к Ипатьевской женской обители.

– Я уж там была. Красиво, глаз не оторвать! Там цветник, сад яблоневый... и сестры такие... такие добрые-добрые! А ты, Ермиле, вечером где будешь? Там же, у Грека на корчме?

– Не знаю еще...

– Ну. Бог даст – свидимся...

Вот ведь, без году неделя знакомы, а девчонка уже – Ермиле, Ермиле... Ну так и незачем ее отталкивать, обижать. Вон она вся какая – восторженная...

Гюрята Коваль был первым, к кому заглянул сейчас отрок. Ну а кому еще, как не к земляку и старому знакомцу? Так ведь и покойный Арсений Лодочник, скорее всего, рассуждал точно так же...

– Арсений с Перевоза? Нож? У меня заказывал, да... Славный нож! Себе такой не хочешь?

– Да у меня есть уже.

– Смотри-и-и... Ну, Михайле-сотнику поклон. Всю жизнь его добро помнить буду. А? Были ли у Арсения враги? Того не ведаю. Не, никто про него не спрашивал. Да кому он нужен-то? Чай, не князь, не боярин – обычный себе лодочник.

О том, что Лодочник убит, Ермил никому не рассказывал. Узнают, конечно же, но... покуда вести – слухи дойдут... Позже, много позже...

Возвращаясь в город, Ермил свернул к пристани – к дальнему рыбацкому вымолу. Там, у отмели, собралась толпа... Интересно, что такое случилось?

И снова на пути оказалась Фекла... Правда, выглядела она как-то испуганно.

– А я из обители уже... Иду, смотрю – народ...

– Да что там такое-то?

Паломница истово перекрестилась:

– Утопленники там, друже... Стра-ашно!

Глава 3

Ратное. Август 1130 г.

– Значит, говоришь, утопли? – усевшись в резное креслице, задумчиво переспросил сотник.

– Точно так, господине. Утопли, – Ермил покивал и продолжил: – Один – здоровенный бугаина, на пальцах мозоли, как у лучников... Недавно утопли-то, все еще видно... Второй – скуластый отрок, думаю, тот, который украденную лодку гнал... Похоже, они и продали эту лодку некоему Антипу, который на пристани...

– Знаю я Антипа, – перебил Михаил. – Дальше!

– Они... или похожие. Ставрогин сказал – мордастый силач и с ним лупоглазый отрок. Они и на вымоле... утопли...

– Оба так вот сразу? – сотник нахмурился и поднялся с кресла. Подошел к окну, посмотрел в небо....

– Раз-два, раз-два... – раздавался со двора привычный учебный шум. – Левое плечо вперед... Песню запе-вай!

Мы красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ...

Все строевые песни в Младшей страже были родом из Советской армии – так уж Миша устроил, так и повелось, прижилось.

Вот и сейчас – славно маршировали отроки. Выйдя за ворота, зашагали к рожице, на полевые занятия. Песня постепенно затихла.

– Ты, Ермиле, как сам-то мыслишь? – повернулся от окна Михаил. – Если это те, кого мы ищем, то с чего бы им так вот, вместе, утопнуть? Добро бы один...

– Так же и Ставрогин сказал, – поставив на стол кружку с недопитым квасом, протянул отрок. – Тоже удивлялся.

– Можно, конечно, предположить и несчастный случай, – прохаживаясь, сотник продолжал рассуждать. – Ну-ка, предположи, друже!

– Ну-у... – Ермил покусал губу. – Допустим, продали они лодку, сбагрили награбленное – тому же Антипу, а затем, на радостях, – в корчму... В ту, что на пристани...

– Ты проверил? – сверкнул глазами Михайла.

– Конечно! – отрок доложил со всей четкостью. – По приметам – были такие в этой корчме, за день до гибели. Ушли как раз под утро. Пока сидели, выпили по две кружки пива – черного, хмельного, – окромя того – по чарке стоялого меда и по четыре – твореного. Ну, перевара...

– Ага...

Хмельное пиво – градуса полтора, а то и два... для опьянения двух кружек объемом около литра явно недостаточно. Чарка хорошего ставленого меда (выдержанного с брусничным или малиновым соком лет десять, а то и больше) – градусов около двадцати... Ну, тут понятно – не пьянства ради брали – для куражу! А вот дешевая «вареная» медовуха – тут все двадцать пять – тридцать – по башке сильно бьет. И по ногам – тоже. Отроку – и двух чарок достаточно.

– Так что – опьянели?

– Бугаинушка отрока под руки увел. То служка корчемный видел. С собой взяли баклажку перевара.

Миша потер руки:

– Понятненько! Значит, могли и... Полезли пьяные в воду – вот и...

– Мыслю, именно так все и было, – отрывисто кивнул Ермил.

Сотник тут же вскинул глаза:

– А теперь помысли иначе! Если им помогли утонуть... Тогда – как? Кто?

– Если помогли... – юноша задумался, наморщив лоб. – Тут всяко могло быть – по-разному...

– Давай, давай, рассуждай! – подзадорил Миша. Подзадорил и тут же спрятал улыбку: из поясной сумы отрока торчала кончик красной атласной ленты... Ага-а-а! Ну, дело молодое...

– Могли с кем-то языками зацепиться... – Ермил принялся перебирать возможные варианты. – До драки не дошло, но те, с кем зацепились, потом отомстили, скинули спящих в реку

– Тогда уж лучше ножичками!

– Не! Убивать не хотели – просто вышло так.

– Еще вариант!

– Еще... Богатство свое в корчме показали! Мед стоялый заказывали... А зря! В корчме-то народец всякий...

– А вот это – да, – усевшись, согласился сотник. – Это вполне может быть. Очень даже вероятно. Расслабились от куража. Осторожность потеряли...

Ермил приосанился:

– Еще может быть... их специально убили. Хозяин какой-то над ним есть – решил, что пора избавиться...

– Плохо, если так, – тихо промолвил сотник. – Значит, против нас все задумано, против Ратного... Значит, хозяин этот неведомый наш интерес прознал! Избавился быстро... Э-эх, сидим с тобой, гадаем! Ладно. В сентябре караулы удвоим. Как раз перед ярмаркой. Раньше, боюсь, не получится – страда, сенокосы... Добро! Ступай, друже... – Миша вдруг хитровато прищурился. – Да, Добровую в обед навести...

– Так там большак меня на дух не... Прогонит.

– Не посмеет! Чай, не от себя явишься – от меня! Войша пусть зайдет, как сможет. Дело к ней есть... Дневальный!

– Я, господин сотник! – заглянул в дверь юный страж.

– Наставница Лана нынче у нас где?

– Так на стрельбище, господине. Первогодков из лука бить учит, – стражник неожиданно улыбнулся. – Ругается – ух-х! Гадюками криворукими обзывает.

– Криворукими, говоришь? Эх! Оно и за дело... Пусть зайдет, как появится.

– Есть!

Выпроводив Ермила, Миша в который раз уже перечитал берестяную грамотку – то самое письмо, подброшенное Ставрогину неизвестным доброжелателем.

«Михаилу, сотнику, скажи. Известно стало о том, что уже очень скоро объявится в Ратном некий важный гость. Придет он не с добром. Пусть будут все осторожны. Трижды именем Христа заклиная отнестись к вести серьезно. Ваш друг».

Странно было написано письмо. Не совсем так, как писали в Турове, Пинске, Чернигове... Чувствовалось тут какое-то иноземное влияние, во всех этих – «трижды именем Христа» – русичи так не писали... Царьград, что ли? Какой-нибудь ромейский купец...

Скрипнула дверь.

– Добровая-дева к тебе, господине! – доложил дневальный отрок. Велишь пустить?

– Конечно, велю... – усмехнувшись, Миша вышел из-за стола и подошел к двери. – Ну, здрава будь, Войша! Рад, что зашла.

– Ты звал, господине... – войдя, девушка вежливо поклонилась в пояс.

Высокая, стройная, с тонкой талией и пышными волосами, забранными серебряным обручем, сиявшим золотистыми отблесками заглядывающего в окно солнца, Добровая словно

бы только что сошла с модного подиума где-нибудь в Милане или в Париже. Платиновая блондинка с чуть вытянутым лицом и сияющими жемчужно-серыми глазами.

Модель!

Правда, по здешним меркам Добровая вовсе не считалась красавицей – где стать, где важная плавная походка, где большая – тыквами – грудь?

Ничего такого и в помине нет! Дылда! Нескладный подросток! Вешалка! Так раньше и было... Любимое занятий Войши – не вышивать, не кудель прясть – охота! Бить копьем, скакать на коне, ножи метать преловко... Да и рукопашному бою дядька Егор Унятин, глава большой семьи, ее научил, так что иные и подходить боялись! Пальцем у виска крутили, считали дурочкой. Родные давно махнули рукой – какая уж уродилась... Так и жила...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.